

**ОЛГА ВАЛЕНТЕЕВА
ЗЕРКАЛЬНЫЙ СТРАЖ**

Ольга Валентеева

Врата пустоты.

Зеркальный страж

<https://litres.ru/74483434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четвертая книга цикла "Врата пустоты. Зов пустоты" (всего в серии 4 тома).

Из пустоты никто не возвращается, не заплатив. Лишь одному человеку это удалось, и серая башня снова обрела владельца. Вот только разве зеркальный щит сумеет уберечь от новых врагов, которые уже готовят заговор? От близких, которые больше не желают ждать и не отступятся? И от любви, которая, как водится, сильнее Пустоты.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Врата пустоты. Зеркальный страж

ПРОЛОГ

— Тебе пора.

Леди в сером балахоне смотрела на молодого человека, замершего перед ней, словно пыталась понять, что за мысли сейчас витают в его голове.

— Я не хочу.

В который раз она слышала такой ответ? Уж точно не в первый. Но на этот раз все переменялось, и она не спрашивала — утверждала. Ее когда-то прозвали Пустотой, а настоящее имя унесли пески времени. Она обрела особую силу, а вместе с ней — и бессмертие, но тот, кто должен был стать суженым, навеки запер ее в темнице. Особом мире, войти в который могут лишь избранные, а выйти — почти никто.

— Андре, — мягко сказала Пустота темноволосому собеседнику, — неужели ты не скучаешь? По солнечному свету, по пению птиц. Я — и то скучаю.

— Нет.

Ответ не был неожиданным. Пустота присела рядом со своим избранником, новым магистром, который должен был давным-давно приступить к обязанностям, и накрыла его

пальцы своими. Чужая ладонь тут же исчезла — Андре поднялся и отошел на несколько шагов.

— Грядут непростые времена, — вздохнула Пустота. — Ты нужен там, Андре. А потом, если пожелаешь, я приму тебя навсегда.

— Какое мне дело? — холодно спросил он. — До того мира? До его людей? Я не был нужен им, теперь они не нужны мне.

— Обычно люди платят за то, чтобы выйти, — рассмеялась женщина в сером. — А мне, похоже, придется приплатить тебе, чтобы ты меня покинул. Ну же, милый. Чего ты хочешь? Пожелай!

— Я хотел твою силу — я ее получил. — Андре безразлично пожал плечами. — Тебе больше нечем мне заплатить, Пустота.

— А если я пообещаю тебе любовь?

— Твою? — Андре вскинул обычно хмурые брови.

— Зачем же? Твою. Я могу помочь, только скажи.

— Пустота не знает любви.

— Пустота знает все, Андре, и о многом молчит. Так как?

— Отказываюсь.

Пустота устало закрыла лицо руками. И вот как с ним разговаривать? Как убедить?

— Неужели ты позабыл свое желание? — решила применить последний козырь. — Доказать отцу, чего ты стоишь. У тебя будет такой шанс, Андре. Один из сотен тысяч шансов.

Не только отцу, но и всему миру. Ты теперь магистр, твоя власть велика. Так используй ее!

Мужчина молчал. Только смотрел странно и непонятно, и от этого взгляда Пустоте становилось не по себе. Хотелось исчезнуть с глаз, спрятаться, укрыться. Не ошиблась ли она с магистром?

— Хорошо, — вдруг слетело с упрямых губ. — Я сделаю так, как ты просишь. Но когда твои проблемы будут решены, будь так добра, открой ворота, и я вернусь.

— Договорились!

Вот так бы сразу. Пустота едва не захлопала в ладоши. Уже боялась, что не сработает. Надо спешить, пока не передумал, — и она побежала к стене, коснулась ее, чтобы появилась арка перехода.

— Береги себя, Андре Вейран, — коснулась губами щеки своего магистра. — Я буду скучать.

Арка вспыхнула серым, открывая портал, сквозь который самой Пустоте хода не было. Лишь крупницы ее силы могли просочиться во внутренний мир к ее магам, сильнейший из которых сейчас собирался исполнить свой долг.

— Ты тоже, Пустота. Никуда не уходи, пока я не вернусь, — усмехнулся зеркальный маг и шагнул в открывшийся переход.

Глава 1

Весна выдалась в меру дождливой и теплой, как и положено веснам. И — какой-то безрадостной. Настроение опускалось от отметки «скверно» до «очень скверно», и причин для этого хватало. Главная причина сейчас была днях в двадцати пути и даже не подозревала, что портит мне лучшие весенние деньки. Хотя подозревала, конечно, но папаша причины по имени Лиз никак не желал давать разрешение на наш брак, пока дочь не окончит особую ведовскую школу за тридевять земель от столицы Гарандии, славного города Альсенбурга.

До летних каникул оставалось полтора месяца, а затем еще год до выпуска. Лиз писала, что ей безумно нравится учиться, а я готов был выть на луну не хуже знакомого оборотня, от которого, кстати, подозрительно долго ничего не слышно. Именно по причине крошечного одиночества я бродил по центру столицы, разглядывая новые клумбы, украсившие безликие улицы. И чем заняться? Пойти в светлый магистрат и потребовать, чтобы старший брат, который уже пять лет занимал пост светлого магистра, приказал своим магам вызвать дождь? Тогда можно будет сидеть у окна с чашкой ягодного чая и думать о том, как несправедлива жизнь. Но к Анри лучше не ходить. А то он вспомнит, кому косвенно обязан назначением на пост, и кто, вообще-то, должен отвечать за все, что творится в Гарандии. По этой же причине не стоило посещать темный магистрат,

где воцарилась безграничная тирания моего друга Роберта Гейлена. И Роб тоже любил тыкать носом в то, что я вроде как увиливаю от своих обязанностей, хотя на самом деле я, в отличие от них, никаких постов не занимал. Да и маялся, скорее, от скуки.

День было решительно нечем занять. Тренировка с утра давно стала привычным делом. Затем — пара часов в гимназии «Черная звезда», выпускником которой я являлся. Директор Рейдес решил не упускать шанс и вручил мне факультатив по защитной магии, потому что с моими щитами всегда нелегко было справиться. Он намекал, чтобы я занял освободившееся место профессора зеркальной магии, но тут уж воспротивился мой отец. Директор Рейдес с тех пор опасается переступать порог нашего дома, а папа вспоминает его, только называя «варваром» и «вредителем».

Но мой факультатив закончился, и я брел домой — по привычке пешком. И понимал, что идти никуда не хочется.

— Филипп! — раздался вдруг знакомый голос. — Филипп Вейран!

Я обернулся. С другой стороны улицы ко мне спешил человек, которого я всегда был безумно рад видеть. В коричневой форме законника, плоской шляпе и с портфелем под мышкой.

— Пьер! — кивнул другу, которого не видел уже несколько месяцев. — Ты здесь какими судьбами?

Сегодня в Пьере никто не мог бы узнать бывшего маги-

стра пустоты. Память к нему так и не вернулась, но, конечно, только глухой не услышал бы о «гибели» магистра Эйлеана, поэтому я постарался как можно осторожнее описать Пьеру последние лет восемь его жизни. Он быстро смирился — этот новый Пьер, не отягощенный годами в магистрате, был куда более жизнелюбивым и легким на подъем, чем магистр, которого я знал. Он словно торопился прожить все, что упустил за те восемь лет. И сейчас едва не попал под экипаж, перебегая дорогу, чтобы вместо положенного приветствия крепко пожать мне руку.

— Иду в суд, — скороговоркой выпалил он, а я и не заметил, как приноровился к его быстрой ходьбе и зашагал рядом. — Такое любопытное дело! Девчонку обвиняют в пяти отравлениях. Вдумайся! В пяти. Я сначала браться не хотел. По всему выходило, что девушка виновна. Но она такая миленькая.

И Пьер весело мне подмигнул.

— Похоже, у кого-то наклеывается новый роман? — улыбнулся я.

— Да, если девчонке не отрубят голову. Сам знаешь, законы Гарандии не знают жалости. Обвиняемая, кстати, прехорошенькая! Высокая, фигуристая, с такими глазищами. У-у-у, ты бы видел! Кстати, хочешь посмотреть? Суд открытый. Тебя пропустят.

— Идем, — тут же согласился я. Это, по крайней мере, обещало чуть менее унылый день, чем планировался изна-

чально. Суд располагался неподалеку от главного здания магистрата. Только бы не встретить брата! Но вроде бы день был не приемный, и, скорее всего, Анри не здесь, а все-таки в башне света.

— Что-то ты непривычно угрюм, мой юный друг. — Пьер похлопал меня по плечу. — Неужели прекрасная Элизабет нашла себе другого?

— Даже если и нашла, я об этом не знаю, — тут же нахмурился я. — Потому что ее учеба, будь она неладна, бесконечна!

— Любые чувства нуждаются в проверке временем! — назидательно произнес господин законник.

— Пять лет, Пьер! Разве этого мало?

— Когда как, Филипп. Иногда хватает куда меньшего срока, а иногда недостаточно и большего. Ну, вот мы и пришли. Проходи, садись в первом ряду, а я подготовлюсь к слушанию.

Зал суда был полупустым. Кроме меня, рядом восседали три угрюмые женщины в невнятных серых платьях и истеричная девица, которая то и дело вытирала глаза большим, совсем не девичьим платком. Еще человек десять зевак — маловато для процесса о многочисленных отравлениях, но, видимо, то ли дело держалось в тайне, то ли людям было чем заняться и без него.

Не прошло и четверти часа, как начался суд. Пьер был прав — подсудимая вызывала живейшее сочувствие у муж-

ской половины и ненависть — у женской. Красивая даже в тюремном платье, с большими невинными глазами. Разве она могла кого-то убить? Но девица меня интересовала мало. Куда больше — защита, которую Пьер, как всегда, вел блестяще. Менялись свидетели — один за другим, а он уверенно давил на судей, которые и сами уже не знали, зачем пришли.

— Взгляните на нее! — взывал Пьер в заключительной речи. — На бедняжку Амели! Посмотрите ей в глаза, в которых застыло горе. А лучше — в глаза ее безутешной матери.

Одна из женщин шумно высморкалась и вытерла щеки ладонью. Это мамаша? Или кто-то из сочувствующих?

— Доказательной базы недостаточно, чтобы вынести обвинительный приговор. Все, что мы слышали, основано на досужих домыслах. И разве вы, господа судьи, не понимаете, что виной всему — зависть? Те, кто сегодня свидетельствует против Амели, ей завидуют! Ее красоте, молодости, невинности. А зависть может заставить оговорить даже святую. Разве хоть один из них видел, как Амели подсыпала яд? Или держала его в руках? Нет! Так кто дал им право требовать для нее кары? Ответьте мне, господа!

Я даже заслушался. Пьер был настоящим профессионалом, поэтому у него всегда хватало дел. Удивительно, что у него сегодня только одно заседание. Его занятость и была основной причиной, по которой мы не виделись так давно. И я был рад нашей случайной встрече.

Конечно же, суд оправдал прекрасную Амели. Уверен, Пьер не упустит своего, и красавица не устоит перед обаянием своего защитника. При этом он не торопился строить семью. Я не понимал почему. Наверное, так и не встретил ту, с кем бы это стало возможно. Да, Пьер забыл о том, что когда-то был влюблен в жену моего брата. Но — так больше и не влюбился.

— Ну как? — поинтересовался он, когда мы вместе выходили из зала суда.

— Ты был неподражаем, — искренне ответил я. — Амели повезло, что ты согласился ее защищать.

— Да, я согласился, потому что сам случай был интересным донельзя. Видно ведь, что девушка невиновна, но кто ее оклеветал? Зачем? Я так и не понял, Фил.

— Главное, что она не пострадает за чужую ошибку.

— Да уж, ты прав, — кивнул мой спутник. — Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть куда-нибудь пообедать?

И вдруг раздался глухой звон колокола. Бом... Бом...

— Туманный ожил, — задумчиво сказал Пьер, и на миг в его голубых глазах мелькнула сталь.

— Прости, пообедать не получится, — ответил я, вслушиваясь в тревожный звон. — Мне надо кое-кого навестить. Давай увидимся на днях, если будешь свободен.

— Да, конечно. Я загляну.

Мы попрощались, и я ускорил шаг. Звон туманного колокола мог означать только одно — мой средний брат, магистр

пустоты, вернулся после пятилетнего отсутствия.

За эти годы путь к башне пустоты не успел изгладиться из моей памяти, пусть сама башня и стояла закрытой. Только пара охранников дежурила у входа по ночам, но на самом деле это место давным-давно обросло дурными слухами, и мало кто рисковал переступить его порог. Идти было далеко, а удары колокола давно стихли. Я даже подумал, что пока доберусь до башни, Андре успеет куда-нибудь уйти. Ему для этого не пришлось бы и на улицу выходить — только пройти сквозь так любимые им зеркала. Сам я мало преуспел в зеркальной магии. Некому было учить, а по книгам сумел разобрать только скудные крупички по сравнению с тем, что уже знал, а Андре был гением, который когда-то решил уничтожить магистрат, и в итоге стал его частью.

Вот впереди показались знакомые ворота, сейчас закрытые на замок. Но что темному магу какой-то кусок железа? Я коснулся его ладонью — и створки распахнулись, пропуская во двор. Пусто... Только колокол не мог бить просто так. В нем была своя магия, и раз магия откликнулась, значит, я пришел не зря.

Толкнул тяжелую дверь башни, и она открылась с протяжным скрипом. Вспыхнули светильники, реагирующие на движение, — никогда раньше не обращал на них внимание. Наверное, потому что они горели всегда. Ступеньки летели под ногами, и лишь за пролет до колонного зала, в котором находились врата пустоты, я немного замедлил шаг.

Андре сидел на верхней ступеньке, опершись плечом на перила. Пять лет... За это время он сам превратился в тень — и без того жесткие черты лица заострились, стали еще жестче, у губ пролегли складки, а в волосах появилась се-ребристая прядь — знак пустоты. Только глаза не стали се-ребристо-стальными, как когда-то у Пьера, а остались зеле-ными, как весенняя листва. Он заметил меня, но не шелох-нулся.

— Здравствуй. — Я замер, не доходя десяти ступеней.

— Здравствуй, Филипп. — Голос Андре звучал глухо, будто он отвык говорить. — И почему я не удивлен?

— Чему? — понял не сразу.

— Тому, что из всех возможных людей на звук туманного колокола пришел именно ты. Впрочем, Пустота передавала, что ты беспокоишься.

— Я пытался добраться до тебя.

— Я знаю. Но разве тебе не говорили, что небезопасно отправляться в пустоту, так плохо владея ее магией? Ты чем вообще думал? Неужели так ничему и не научился?

Я неожиданно почувствовал себя провинившимся кур-сантом, не выучившим урок зеркальной магии. А бывший профессор Айденс изучал меня холодным взглядом.

— Сколько времени прошло? — спросил он.

— Пять лет, — ответил тихо.

— Пять? — На миг в глазах Андре мелькнуло удивление.

— Я думал, меньше. Ну что ж, тогда тем более ты должен

был давно усвоить правила обращения с пустотой, а не приходить туда, когда тебе вздумается. Скажи спасибо, что ты ей неинтересен.

Андре тяжело поднялся на ноги и преодолел разделявшие нас ступени. И прошел мимо вниз, к жилым комнатам. Точнее, давно уже нежилым...

Я поспешил за ним, а Андре безошибочно распахнул дверь в гостиную. Еще бы, он знал башню пустоты едва ли не лучше ее прежнего владельца. На мебели лежал слой пыли, кресла были скрыты под чехлами. Брат сдернул один из них, и в воздух взметнулось серое облако. Я последовал его примеру и занял второе.

— Раз ты вернулся, может, собрать магистрат? — спросил его. — И, наверное, тебе стоит набрать новый штат для башни. Или ты не будешь здесь жить?

— От тебя слишком много шума, — поморщился Андре. — А теперь слушай меня, Филипп, и не перебивай. Первое — если я стал магистром, это еще не значит, что буду плясать под дудку твоего старшего брата. В магистрате я не появлюсь. Если надо что-то согласовать, сделать это можно и письменно. Если сможешь, передай мне визор. Так будет проще. Штат в башне не нужен.

— Но хотя бы охрана...

— Я сам себе охрана, Филипп, — перебил брат. — Так всегда было, так и останется. Если кто-то попытается переступить порог башни без моего разрешения, обращу в пыль,

так и передай. Ты можешь иногда заглядывать, если понадоблюсь, но — только ты.

— И на том спасибо, — пробормотал я.

— Ждал чего-то другого? Извини, у меня не было желания возвращаться, но Пустота настаивала, а ей не отказывают. Но сам факт моего существования еще не означает, что теперь можно устраивать из башни пустоты проходной двор. Это понятно?

Я кивнул. Не понимал его раньше, не понимаю и теперь. Пять лет! И вместо того, чтобы вернуться к жизни — такое холодное безразличие.

— И что... — попытался сформулировать вопрос хоть немного корректнее, но все-таки следовало его задать. — Что тебе пришлось отдать Пустоте взамен на то, чтобы ее покинуть?

— Ничего, — пожал плечами Андре. — Мы сошлись на том, что пока оставим взаимные претензии друг к другу и вопрос оплаты решим как-нибудь потом. Она даже предлагала лично заплатить, чтобы я перестал маячить у нее перед глазами.

— Ничего?

— Да. Кстати, там маячил не только я. Твой брат умудрился зашвырнуть в пустоту нескольких магов. Так вот, двое из них еще живы, и у одного есть шанс вернуться. Видишь, Пустоте не скучно и без меня.

Мне нечего было ему сказать. И хотелось бы, но — нече-

го. Андре меня слушал, но не слышал, и оставалось только догадываться, где он мыслями. Но в отличие от Анри, который вернулся из пустоты совсем другим человеком, Андре был все тем же. Разве что холода прибавилось. Неужели она и правда обломала об него зубы? Или же у них нашлось что-то общее?

— Даже не спросишь, что дома?

— У кого? У тебя? — На лице Андре не дрогнул ни один мускул. — Я и так знаю. Почти все в твоём роду соприкасались с Пустотой, и она могла показать мне то, что я хотел увидеть. Но, признаю, я особо не просил. И ты не обязан находиться здесь только потому, что когда-то твой отец переспал с моей матерью. Поэтому иди, Филипп. Ты все равно вернешься обратно, я знаю, но сейчас — иди.

Я поднялся. Действительно, глупо требовать от человека, который выпал из жизни на пять долгих лет, каких-то решений. И мне было пора.

— А ты повзрослел, — заметил Андре. — И магия твоя заметно выросла. Но тренироваться надо больше. Врожденный талант еще не делает тебя великим магом.

— Ты прав, — ответил я. — Не делает. Увидимся на днях, хорошо?

— Посмотрим. До встречи, Филипп.

— До встречи.

Я спустился на первый этаж и покинул башню, спиной чувствуя, что за мной наблюдают из окна. Что ж, теперь в

составе магистрата снова трое магов. Только почему-то казалось, что легче от этого не станет. Примет ли Андре обязанности магистра пустоты? Или же так и останется тенью этой башни? Как бы там ни было, сейчас лучше перехватить родных, пока они тоже не решили нанести визит вежливости, иначе это может плохо закончиться. Андре никогда не бросал слов на ветер. Обещал испепелить — значит, так и сделает. И все-таки я был рад, что он вернулся, потому что чувство вины не оставляло все это время. Оно вросло в меня, пустило корни, а теперь отпускало. Хотя бы за это стоило поблагодарить Андре — и Пустоту.

Глава 2

Андре

Первые дни после возвращения я пребывал в каком-то полусне. Были запахи и звуки, были мелкие дела — сделать хотя бы одну комнату пригодной для жилья, решить вопрос с продуктами, — а ощущения реальности не было. Будто я спал и видел сон о том, что жив. А на самом деле — давно умер. Когда-то меня испугала бы такая мысль, но не теперь. Пустота дала мне главное — покой. За эти пять лет все отбелело, отмерло и стало все равно. Безразличие окутало меня, будто кокон, и так было легче. Легче дышать, да и просто — жить. Поэтому я не думал о том, что будет дальше. В этом не было необходимости. Большую часть времени проводил за

тем, что устанавливал на башне новую защиту всех типов — и светлую, и темную, и зеркальную, и серый покров пустоты. Так можно было не опасаться непрошенных гостей. Охранников, которые попытались доказать свою пользу, я лично выставил за ворота с напутствием, что следующая наша встреча станет последней. К счастью, ребята оказались понятливыми и больше меня не беспокоили.

За эту неделю или две было всего два ярких пятна, которые немного выбивались из картины всеобщего равновесия. Первое — визит магистра света. Анри Вейран явился утром следующего дня после моего возвращения. К тому моменту я успел установить только базовые защитные заклинания, поэтому старший братец дошел до двери без угрозы для жизни и постучал. Разговаривать с ним я не желал, но Анри еще пять лет назад доказал, что его мало волнует чужое мнение, поэтому пришлось спуститься.

Если Филипп заметно повзрослел, то старший Вейран тоже изменился — перестал напоминать пугало, переступившее порог пустоты. Светлая мантия магистра делала его похожим на какого-нибудь правителя древности, и держался он с не меньшим гонором.

— Я ждал вас раньше, магистр, — сказал он, зайдя ко мне на порог, тут же давая понять, что он тут исключительно по долгу службы.

— Так и я ждал вас еще вчера, магистр, — ответил, хотя больше хотелось плюнуть в лицо, чтобы немного сбить спесь.

— Спасибо, что дали время прийти в себя. Как поживаете? Как супруга? Как дети?

— Все благополучно, благодарю. Я хотел обсудить формат нашего сотрудничества.

— А не будет никакого формата, — ответил я. — Моя забота — сохранение равновесия и присмотр за воротами. Ваша забота — все остальное. Если вы надеетесь, что я стану чулом при магистрате, то смею вас разочаровать — не стану. И на пороге не появлюсь без острой необходимости. Я еще вчера попросил Филиппа передать мне визор. Думаю, для связи с вами, магистр, этого будет более чем достаточно. А теперь прошу оставить территорию башни пустоты, вам здесь не рады.

Анри протянул мне визор на цепочке. Я забрал кристалл и спрятал в карман. Вот и вся беседа.

— Я хотел спросить... — начал было он.

— Что? Не собираюсь ли я снова лишить Гарандию магистров? Нет, не собираюсь. По большей части мне плевать на вас, месье Вейран, а месье Гейлен — достойный правопреемник магистра Кернера. Правьте! Только не вмешивайте меня в это. До встречи.

И закрыл дверь у него перед носом. Анри выругался. Я слышал его удаляющиеся шаги. Прислушался к себе — злости не было. Только безразличие, потому что мне действительно было все равно, есть на свете Анри Вейран, нет его. Подумаешь, когда-то мы пытались убить друг друга. Те дни

остались далеко, мы оба живы — и вроде как в одной упряжке. Так к чему лишние вопросы?

Вторым событием, которое оставило хоть какое-то след, стал визит в «Черную звезду». Может быть, я бы туда и не пошел, но в гимназии остались все мои вещи и сбережения, а еще хотелось забрать зеркала. Поэтому вечером того же дня я переместился в свою комнату в преподавательском крыле. Здесь в отличие от башни пустоты было чисто. Видимо, директор приказал поддерживать маломальский порядок бытовой магией, я ощутил следы заклинания. Все лежало ровно на тех местах, где я и оставил. Несколько бурых капель въелись в пол — напоминание о бое с Анри, который едва не стал для меня последним.

Сборы вышли недолгими. Я снял со стен зеркала, уменьшил их в размерах и спрятал в найденный дорожный мешок. Затем собрал одежду, так и висевшую в шкафу, накинул на плечи любимый черный плащ с восьмиконечной звездой. Вроде бы все. Покосился на стол, запертый заклинаниями. Снял магические заслоны и открыл ящик.

Конспекты лекций оставил на месте. Пусть лежат, лишними не будут. А вот во втором ящике находились совершенно бесполезные записи, которые я когда-то похитил из закрытых отделов городского архива. Это были протоколы дел, которые вел мой отец Виктор Вейран. Нет, лучше не так — граф Вейран, оплошность которого поспособствовала моему рождению. Так глупо... Вспомнил себя пять лет назад. Как

же глупо! Пытаться понять хоть что-то, искать ответ. Оказалось все гораздо проще.

Я провел пальцами вдоль корешков папок, и они превратились в пепел. Пыль, труха. Как и все мое прошлое. Тогда, в неполных двадцать два, я не понимал главного — невозможно выпросить любовь. Хоть кричи, хоть умоляй, хоть доказывай. Если ее нет — значит, нет. Все остальное не важно.

Мне нужен был отец? Возможно. Но что толку в этих документах? Когда-то это был способ прикоснуться хоть так к его жизни, понять, что он за человек, что им движет — и почему для меня в его жизни не нашлось места. Все оказалось куда проще и прозаичнее. У Виктора всегда было только два сына. И надо было быть наивным глупцом, чтобы считать, будто это количество может измениться в большую сторону.

Пепел... Я распахнул окно и вытряхнул ящик. Серая пыль взметнулась в воздух, растаяла, исчезла. В такой же пепел превратился я сам. Но это больше не тревожило. Не было нужды страдать и мучиться, искать ответы. Все закончилось, и стало проще.

В дверь постучали. Это мог быть только один человек. Единственный, кому не было все равно, жив я или умер. И конечно, он не пропустил бы мое появление в своей гимназии.

— Здравствуйте, директор Рейдес, — открыл я дверь, прекрасно зная, кого увижу на пороге.

— Андре! — Он крепко обнял меня, а я приказал себе

терпеть. Меня всегда раздражало, когда люди вмешивались в личное пространство. Пусть даже дорогие сердцу люди.

— Здравствуйте, месье Рейдес, — ответил я.

— Это и правда ты? — Эдуард разглядывал меня, будто впервые видел. — Мальчик мой! Я не знал, что ты вернулся. Сам знаешь, на территории «Черной звезды» не слышно колоколов.

— Да, конечно. — Я прошел в комнату, впуская гостя. — Но вы ничего не пропустили, я прибыл только вчера.

Прибыл? Не совсем верное слово, но другого подобрать не мог.

— Я хотел забрать вещи и деньги, — пояснил очевидное.

— И не собирался ко мне зайти? — пожурил Рейдес.

— Собирался.

Это действительно было так. Эдуард был единственным, по ком я скучал. Моим наставником, которому знакомство со мной стоило много нервов. Но если бы не он, я бы давно умер. Никто не знает, чего ему стоило вытащить меня после убийства магистра тьмы Тейнера, а главное — после того, как отец искренне пожелал мне умереть. Только Рейдес не сдавался. И раз решил, что не даст мне пойти ко дну, то до последнего оставался верен принятому решению.

— Что ж, рад слышать, — улыбнулся Эдуард. Вот кто остался неизменен. — Присядем?

— Я... спешу.

— Не ври, Андре, никуда ты не спешишь. Разве я не знаю?

Давай хотя бы поговорим.

Я послушно занял стул, оставив директору кресло. Рядом с ним я всегда чувствовал себя курсантом, хоть и давно завершил обучение в гимназии. Вот и сейчас не знал, как себя вести и что делать.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

И это было правдой. Пока что я не заметил никаких последствий от пребывания в пустоте. Наоборот, стало лучше. Ничто не раздирало изнутри, не мучило.

— И... где собираешься жить?

Эдуард тоже подбирал слова, опасаясь ненароком меня задеть. Зря. Я давно уже не тот глупый парнишка, который метался по этой комнате, воя от отчаяния. Нет его, исчез. Остался только Андре, магистр пустоты.

— В башне пустоты, — ответил я. — Там достаточно уютно.

— Уютно? — Рейдес уставился на меня. — Андре...

— Эд, — отбросил я формальности, — вы зря волнуетесь. Я действительно хорошо себя чувствую. И даже успокоился. Но мне нужно побыть одному, и башня пустоты для этого — лучшее место на земле.

— А может, вернешься в гимназию? — спросил Эдуард.
— Твой курс так никто и не забрал.

На минуту этот соблазн — вернуться к любимой работе — оказался достаточно сильным, но он тоже был пережит-

ком прошлой жизни. Точнее, немного не так. Я и хотел бы вернуться к преподаванию, к любимой зеркальной магии, но сейчас не мог.

— Давайте так, — сказал я. — Этот учебный год завершается. Нет смысла сейчас возвращать мой предмет в расписание. Но летом будет новый набор, и тогда я, может быть, вернусь. Если, конечно, к тому времени вы не передумаете.

— А с чего бы мне передумывать? — пожал плечами директор. — Ты же знаешь, я всегда рад тебе — как в качестве гостя, так и в качестве преподавателя. Поэтому подумай хорошенько и приходи.

— Хорошо.

Говорить больше было не о чем... Спрашивать ни о чем не хотелось, поэтому мы сидели и молчали. Эдуард тоже не задавал вопросов, понимая, что мне вряд ли хочется рассказывать о пребывании в пустоте.

— Я пойду, — поднялся на ноги. — Рад был видеть вас.

— И я тебя, Андре, — тепло улыбнулся Рейдес. — Если бы ты знал, насколько! Приходи в гимназию, когда захочешь.

— Спасибо.

Действительно, «Черная звезда» давно стала мне домом. Это было место, где можно не притворяться, не играть чужих ролей, а просто быть собой. Заниматься тем, что нравится. Жить. Жаль, что я раньше этого не понял и потратил бесценное время на то, чтобы найти другой дом, другую семью, хотя моя всегда была здесь.

Уходил я тоже через зеркало — одно так и осталось на стене, чтобы служить для меня порталом. А потом до вечера стоял на верхнем балконе башни пустоты и смотрел на город в отдалении. Чужой город, но я искренне хотел когда-то все изменить, искоренить ту гниль, которая его пожирала. Еще одна несусветная глупость, которая едва не стоила мне жизни и свободы. Ничего нельзя изменить. Только принять. Осознать — и принять, как бы сложно это не было.

Глава 3

Филипп

Мне никак не удавалось поговорить с Анри. Брат стал воистину неуловим. Дома не показывался — Полина говорила, что в последние дни появилась какая-то срочная работа. В башне света, когда ни зайди, отвечали, что у магистра совещание, либо он только что ушел. На послания через визор отвечал: «Поговорим потом». Я уже подумывал записаться на публичный прием в магистрат, чтобы обсудить с Анри возвращение Андре, как брат попросил меня с помощью визора зайти к нему в полдень. Надо же, нашел время! Но лучше так, чем никак, поэтому около полудня я подходил к башне света. Вокруг, как всегда, бурлила жизнь. Светлый магистрат оставался одним из самых посещаемых в Гаран-дии. Поэтому, в какое время ни приди, вокруг башни снова-ли люди, слышались голоса, толпились просители. Я бы, на

месте Анри, давно послал всех во тьму и уехал, куда глаза глядят, но брат справлялся. Его усилиями в Гарандии постепенно восстанавливался порядок. Роберту было чуть проще — к темному магистру обращались куда меньше, да и он, в отличие от Анри, успевал всем объяснить, почему их визит в магистрат должен стать первым и последним.

Зато во дворе башни стоял знакомый экипаж с гербом темного магистрата. Анри решил собрать всех? Потому что в совпадения я не верил.

— Месье Вейран, — поклонились мне охранники.

— Здравствуйте, господа, — поклонился в ответ.

— Его сиятельство ждет вас в кабинете на втором этаже.

— Благодарю.

Привычный обмен любезностями. Хотя уже сам факт, что его сиятельство меня ждет, обнадеживал. А еще я догадывался, чем занимался мой неуловимый брат — принимал меры предосторожности. Одного светлого магистра Андре уже убил, что помешает ему уничтожить второго? В это верил Анри, но почему-то не верил я. Только разве брата кто-нибудь когда-нибудь мог переубедить? В том-то и дело, что нет.

Ступеньки мелькали под ногами. На втором этаже тоже дежурила охрана — и, как и у двери, не задавала лишних вопросов, а пропустила внутрь. Анри сидел за столом, заваленным бумагами. Несмотря на ранний час, он выглядел крайне утомленным. Перед ним в кресле устроился, скрестив ноги, бодрый и довольный Роберт Гейлен. Контраст налицо.

— Опаздываешь, — встретил меня брат.

— Мы уже думали, тебя кто-то съел по дороге, — хохотнул Роберт, поднимаясь навстречу и пожимая руку.

— Что за собрание? — поинтересовался я, занимая свободное кресло.

— Все то же, — хмуро ответил Анри. — Я говорил с Андре.

— И как? — Кольнуло нехорошее предчувствие.

— Он, как всегда, угрожал. Но, думаю, больше для вида, потому что выглядит скверно, едва ветром не сдувает. Впрочем, в том, что он может исполнить свои угрозы, я не сомневаюсь. Визор ему передал, лично он являться в здание магистрата отказался.

— И что мы будем делать? — поинтересовался Роберт. — Я, конечно, ничего не имею против профессора Айденса, как бы его теперь не звали, но он еще в гимназии пару раз пытался от меня избавиться.

— Потому что считал тебя моим врагом, — вмешался я.

— И это дает ему право меня убивать? А вдруг я завтра рассорюсь с тобой вусмерть, Вейран? Что тогда? Будете нового магистра искать?

В чем-то Роб был прав. Он всегда говорил в глаза то, что думал, и сейчас тоже. По-хорошему, нам стоило собраться всем вместе, включая Андре, и установить... некоторые границы, но сам Андре решительно отказался от встреч. Что же делать?

— Я усилил охрану башни, — добавил Анри, комкая в руках какой-то листок. — И здания магистрата тоже, но мы ведь знаем, что если Андре будет нужно, он пройдет по зеркалам.

— Думаешь, защитные символы не помогут? — спросил Роб.

— Как знать? Не помогли ведь они прошлому составу магистрата.

— Но мы их усовершенствовали!

— А проверять на ком? На нем? — Анри покосился на меня. — Так уровень Андре в зеркальной магии гораздо выше. Не выйдет ничего хорошего. Или пригласить самого Андре испытать нашу защиту?

— Сколько неприятностей от одного человека, — фыркнул Роберт. — Зато, если кого-то из нас убьют, двое других будут знать, кого искать.

— Почему вы оба решили, что Андре решит избавиться от вас? — не выдержал я.

— Потому что он уже пытался это сделать, — ответил Анри. — И кто запретит ему повторить подвиг? Ты?

Я молчал. Мне нечего было им сказать. Андре никогда не скрывал, что ему плевать на человеческие жизни. А вдруг он и правда решит взяться за новых магистров? Что тогда? Верить в это не хотелось. Я еще помнил, как мы сражались плечом к плечу. Но пять лет пустоты...

— Как дела дома? — спросил Анри. — Что говорит отец?

— Если бы ты появлялся там чаще, знал бы сам, — не упустил я случая его подколоть. — Ничего он не говорит, только ходит мрачнее тучи. Я тоже не хочу поднимать эту тему.

Об Андре у нас дома молчали все. И я, и мама, и даже Полли. Это было чем-то запретным, будто кинь искру — и все загорится. Но иногда мне хотелось спросить отца, что он думает о возвращении Андре. И приходилось раз за разом напоминать себе, что не стоит. Усилиями Андре отец год провел, заключенным в зеркало, и так и не оправился от старых ран. Теперь трость стала его извечным спутником. Но он хотя бы жив. Уже за это стоило поблагодарить Андре.

— Я тоже усилю охрану, — сказал Роберт. — В штате темного магистрата есть парочка бывших учеников Айденса, пусть поработают дополнительно с защитой. Фил, ты бы тоже не ходил в башню пустоты. Опасно это.

— Скажешь тоже, — отмахнулся я. — Андре не нужна моя смерть.

— Не была нужна пять лет назад, дружище. Много воды утекло. Да и пустота не способствует хорошему расположению духа. Так что будь осторожен. Раз Андре так настаивает, будем держаться от него подальше.

Я пожал плечами. И снова Роберт был прав, но мне не нравилась его правота. Не ходить в башню пустоты? Наверное, это было бы самым верным, но тогда Андре будет там совсем один. А я знал, что такое полное одиночество. Нико-

гда не забуду...

— Фил? — окликнул меня Анри.

— У тебя визор светится, — заметил я.

Анри отмахнулся, но все-таки взял лист бумаги и направил на него кристалл, пробежался взглядом по буквам и нахмурился.

— Что? Дурные вести? — поинтересовался Роберт.

— Да не то чтобы... Герцог Дареаль пишет, что у него пропал сын, и спрашивает, не приезжал ли он в столицу. Надо дать городской охране описание Вильяма, пусть обратят внимание.

Герцог Этьен Дареаль был хорошим другом нашей семьи. Ну, не всей семьи — с Анри они больше терпели друг друга. Зато прошлой зимой я провел у герцога целый месяц. Сам он в столицу не приезжал — дети были слишком маленькими, а оставлять супругу с оравой ребятишек в отдаленном замке Этьен не желал. Зато старший сын Дареалья, наш друг Вилли, снова устроил шутку в своем духе. Он всегда был крайне непоседливым мальчишкой, его тяготила размеренная жизнь провинции. Вот, видимо, и сбежал, если опять никуда не влип.

— Будем надеяться, волчонок сам ушел, а не кто-то помог, — повторил мою мысль Анри. — Только почему Этьен думает, что он попадется нам на глаза? Я бы на месте Вилли обходил старых знакомых десятой дорогой.

— Может, спросить у пустоты? — предложил я.

— Попробую, но в последнее время она редко откликается на зов.

Анри обладал двумя видами магии — света и пустоты, но после того, как магистром стал Андре, сила пустоты немного ослабла. Анри это, конечно, не беспокоило, но для защиты этот вид магии был куда лучше светлой.

Мы еще какое-то время посидели над бумагами, обсудили самые животрепещущие вопросы жизни столицы и разошлись. Пойти на обед домой? Да, пожалуй. Я ускорил шаг, надеясь успеть. Вскоре впереди показалась знакомая крыша. Еще один поворот, по привычке — в обход мимо площади, и — вот он, мой дом, утопающий в цветах. Мама следила за клумбами тщательнее, чем птица за птенцами. Мы с Анри посмеивались, но если ей в радость, пусть все цветет.

Стоило открыть дверь, как на меня налетел маленький ураганчик в розовом платице с воплем:

— Фи-и-ил!

— Мадемуазель Мелани! — Следом за племянницей уже спешила гувернантка. — Вы забываете о всяких приличиях!

— Не ругайте ребенка, мадам Помпур. — Я подхватил племянницу на руки, она радостно рассмеялась и обняла меня за шею. — Мелли, а где мама?

— Она с Илом, — тут же доложила девочка.

Илберту, моему младшему племяннику, недавно исполнилось два, но уже сейчас я был готов заявить, что мальчик вырастет копией Анри. Он даже ходил так, как брат, не хва-

тало лишь мантии светлого магистра.

— Фил, ты вернулся? — Полли быстро спустилась по ступенькам с ребенком на руках.

— Да. Был в светлом магистрате, и твой супруг передавал, что сегодня постарается явиться раньше полуночи.

— Он даже постарается вернуться, — улыбнулась Полина.
— Неужели его срочная работа закончилась?

— Мне кажется, она не заканчивается никогда. Вы еще не обедали?

— Нет, только собираемся. Хорошо, что ты успел.

— Сейчас переоденусь — и к вам присоединюсь.

Я опустил племянницу на пол, и она подбежала к матери. Если бы не ослиное упрямство директора Рейдеса, у нас с Лиз тоже уже могли быть дети. Лиз даже предлагала сделать Рейдеса дедушкой, чтобы перестал упрямяться, но тогда я отказался — хотел, чтобы все было по правилам. А теперь Лиз слишком далеко. И что поделаешь?

Я быстро переоделся и спустился в столовую на первом этаже. Все уже были в сборе: мама о чем-то оживленно рассказывала отцу, Полли с любовью поглядывала на детей, которые вертелись в разные стороны и норовили схватить что-нибудь со стола, не дожидаясь меня. Самая обычная семья.

Я поздоровался с родителями, и все наконец-то сели к столу. Мы старались обедать вместе — жаль, что чаще всего без Анри, но понимали, что не он сделал такой выбор, а магистрат требует почти постоянного его присутствия. Первое

время Полли пропадала там с мужем, но когда у тебя двое детей, пусть за ними и присматривают самые лучшие гувернантки, в башню света не набегаяешься.

— Что в светлом магистрате? — спросила Полли.

— Все как всегда. Приходил Роберт, и мы обсуждали... изменившийся состав магистров.

Отец угрюмо взглянул на меня, но Полли сама спросила! Что мне теперь, молчать?

— Как поживает Роберт?

— Говорит, что прекрасно. Но мне кажется, с той поры, как Анна отказалась выходить за него замуж, не все так хорошо. Однако Роба сложно выбить из колеи, так что, думаю, новая кандидатура на роль супруги темного магистра не за горами.

Полли улыбнулась. Еще бы! Роберт Гейлен был не только моим лучшим другом, но и предметом для анекдотов по всему Альсенбургу, потому что Роб и его возлюбленная трижды назначали дату свадьбы и трижды успевали поссориться накануне. В четвертый раз Анна просто отказала темному магистру и, если верить слухам, собиралась замуж за другого.

— А что в гимназии? — спросила мама.

— Я там сегодня не был, — качнул головой. — А в целом многие сейчас стараются сдать экзамен на ступень, ведь скоро новый учебный год, пусть и весьма условно.

Так мы и переговаривались до самого десерта, пока с мирных тем разговор снова не свернул на куда менее приятные

для моей семьи.

— Не понимаю, почему Анри уже неделю даже домой не возвращается, — произнесла мама. — Работа — работой, а семья — семьей.

— Думаю, как раз из-за семьи, — ответил я. — Он не знает, чего ожидать от Андре, вот и старается сделать защиту как можно сильнее. И для башни, и для дома.

Папа снова угрюмо взглянул на меня, но мне надоели эти игры. Что плохого в том, что я упоминаю Андре? Он есть, этого не изменить. Он — магистр пустоты, Робу и Анри придется с ним работать, потому что теперь на особо важных документах будут требоваться подписи всех трех магистров. И никто не станет интересоваться, почему с этим конкретно никто не желает иметь дела. Можно подумать, Кернер был лучше! Или его предшественник.

— Защита все равно не поможет, — сказал отец. — Если... он решит что-нибудь вытворить, его никто не остановит.

— Пока что Андре не покидает башню, — ответил я. — Правда, отловил всех шпионов и зашвырнул в магистрат через зеркальный лабиринт, бедняги теперь заикаются. Но это их проблемы, не мои.

— Мне не нравится, что вам приходится сотрудничать... с ним.

Отец даже имени его не называл!

— А меня все устраивает, — чуть резче, чем следовало,

ответил я. — И раз уж вход в башню пустоты разрешен исключительно мне, значит, не общаться с Андре я не смогу.

Полли с укоризной посмотрела на меня, но я действительно устал от этих недосказанностей. После обеда полдня пробродил по дому, а ближе к вечеру вышел в весеннюю прохладу. Воздух был наполнен дивным ароматом пробуждающейся природы — запахом свежей травы и первых цветов. Хотелось идти и идти, вот я и шел, стараясь не думать ни о чем. Получалось скверно — как, впрочем, и всегда. Сложнее всего отключить мысли, особенно когда они льют через край.

Когда ноги сами вынесли меня к башне пустоты, я не собирался заглядывать к Андре. Но потом подумал, что стоит все-таки узнать, как дела у брата. И потом у меня было к нему дело. Если бы о нем узнал хоть кто-то, дома был бы скандал. Я прекрасно это понимал, но отступать не собирался. Поэтому дошел до знакомых ворот и уставился на башню. Охраны не было, дверь, казалось, даже была не заперта. Темная громада башни нависала надо мной, и становилось не по себе. Светилось лишь одно окно на самом верху. Я набрался смелости и постучал. Никто не ответил. Постучал громче. Скрипнула оконная створка.

— Проходи, раз пришел, — раздался голос Андре.

Крайне гостеприимно! Но и идти обратно я не собирался, поэтому толкнул дверь, надеясь, что хотя бы дойду до верхних комнат живым и не сверну себе шею.

Глава 4

Андре

В башне пустоты каждый день был настолько же похож на предыдущий, как и в самой пустоте. Поэтому я не видел особой разницы находиться там или здесь. Утром читал найденные в запыленных шкафах книги, в обед тренировался и снова занимался защитой. Вот бы забраться на крышу и еще оттуда накинуть полог! Но крышу венчал острый шпиль, и удержаться там было нереально, а свернуть себе шею все-таки не хотелось.

После тренировок я настраивал новые зеркала. К счастью, удалось найти неподалеку лавчонку, торгующую разными мелочами. Когда хозяин услышал, что я готов купить двадцать зеркал, а особенно оценил сумму, которую соглашался за них заплатить, то, наверное, посчитал меня сумасшедшим, потому что украдкой сделал знак, отвращающий беду. Затем сообщил, что достать двадцать штук никак невозможно, но десять он берется привезти. Через пару дней я получил свое сокровище и начал длительный, кропотливый процесс настройки.

С зеркалом стоило вести себя как с любимой женщиной. Постепенно устанавливая контакт, вглядываться в отражение, изучать его, стараться нащупать точки соприкосновения и, наконец, дожждаться отклика. А затем так же медленно становиться с зеркалом одним целым, чтобы оно откликалось

даже не на заклинания, а на мысли.

Веселее всего было вечерами, потому что стоило стемнеть, как башню окружали любопытствующие и шпионы. Шпионов я поначалу хотел повесить на воротах, но потом решил, что не стоит вот так сразу обострять отношения, и для начала вышвырнул их прямо через зеркальный коридор в здание магистрата. А если быть точным, на крышу, не такую крутую, как здесь, а вполне пригодную, чтобы провести на ней несколько часов, пока не снимут. Любопытствующим пришлось хуже. С ними я не церемонился. Призывал пустоту, и в мгновение ока двор пустел, а я возвращался к зеркалам.

Но на этот раз, когда магия предупредила о приближении постороннего человека, это был не шпион и не проситель. Я выглянул в окно. Так и есть, на ночь глядя принесло младшего брата. Филипп Вейран постоял у ворот, будто решая, стоит ли входить, но я был уверен, что никуда он не денется. Братишка оправдал ожидания — подошел к двери и постучал. Стука я не услышал, зато откликнулись защитные заклинания на входе. Работает!

Пришлось пригласить парнишку внутрь. А заодно испытать еще одно новое заклинание. Филипп уже почти поднялся в мой новый кабинет, когда дорогу ему преградил призрак. Я наблюдал за происходящим с лестницы и едва не рассмеялся, когда Филипп закусил губу, словно готовясь удрать, а затем уверенно развеял видение.

— Андре, что за глупые шутки? — взлетел он по ступенькам. — Что это было?

— Зеркальный фантом, — ответил я. Филипп не заметил главного — крохотного зеркальца над лестницей. — Зачем пришел?

Фил сначала было растерялся, но быстро взял себя в руки: — Просто проходил мимо.

Проходил он... Я вошел в кабинет. Филипп направился следом за мной. Что ж, он был единственным, кому я разрешил приходить в башню. Во-первых, лучше он, чем кто-то посторонний. Во-вторых, я привык к Филиппу Вейрану еще в бытность его студентом «Черной звезды». Конечно, сейчас он мало походил на того опустошенного мальчишку, которого я учил зеркальной магии. Стал выше на голову, шире в плечах, не глядел угрюмо. Наоборот, у него был открытый, прямой взгляд, и это уже многое говорило о нем как о человеке. Но тогда, пять лет назад, я понимал его. Конечно, частично сам был виноват в его бедах, только и правда понимал. И сейчас за ним было забавно наблюдать.

Фил вертел головой по сторонам. Да, я немного переставил мебель так, чтобы было удобно работать. А еще повесил зеркало напротив двери, чтобы в нем отражался каждый входящий. Если кто-то проникнет в кабинет в мое отсутствие — мало ли что — я сразу пойму, кто это был.

— Тебе тут не по себе? — спросил у Филиппа.

— Немного, — признал он. — Гнетущая здесь все-таки

атмосфера.

Ему ли говорить? Универсальному магу. Той высоты, которой я достиг только сейчас, Фил добился еще во время обучения в «Черной звезде». Пробудил все три стихии, но об этом никто не знал. Уверен, что и сейчас Филипп успешно скрывает, что его магия не такая. Плохо то, что он будто остановился на месте. Магические поля раскрылись полностью — сквозь зеркала я видел их, но мало! Этого мало. Почему граф Вейран не нашел для сына новых преподавателей? Одной тьмой все не ограничивается.

— Атмосфера как атмосфера, — ответил я. — Мне нравится, знаешь ли. Зато пусто.

— Все равно жутковато.

Еще бы! Я лично старался. Пока не закончил, но наброски уже можно было оценить.

— Чем ты занимался эти пару недель? — спросил Филипп, будто мы были старыми друзьями, и он зашел в гости.

— Работал, — ответил я. — Ты пришел сюда разводить светские беседы? Или по делу?

Фил внимательно посмотрел на меня. У него всегда был особенный взгляд — проникал в самую душу. Смотришь в глаза — и хочется признаться во всем. Даже в том, чего никогда не совершал. Он был младше меня на пять лет, а мне иногда казалось, что старше. Вот как сейчас, когда он уставился на меня зелеными глазищами, словно стараясь разде-

лать на части и взглянуть, что у меня внутри.

— По делу, — вздохнул Филипп. — Андре, позанимайся со мной зеркальной магией.

— Что?

Я ожидал какой угодно просьбы, но не такой. А братишка хитер! Потому что мое согласие — это разрешение официально приходить в башню, когда ему вздумается. Что ж, недаром он окончил «Черную звезду» меньше чем за год. Ума Филиппу хватало всегда. Хитрость, видимо, нажил за то время, пока я его не видел.

— Зачем тебе? — спросил прямо.

— Чтобы стать сильнее, — ответил Фил. — Я пытался освоить новые заклинания по книгам, но получается скверно, а с другими зеркальными магами я работать не хочу.

— Это правильно, — сказал я. — Эти другие... С кем-то я учился, кого-то учил. И не всем из них стоит доверять.

— Так ты согласен?

Захотелось щелкнуть братца чем-нибудь по носу, но с ним действительно стоило позаниматься. Тем более что и в его арсенале было одно заклинание, которое я никак не мог разобрать.

— Хорошо, — ответил ему. — Только нечасто, пару раз в неделю для начала. И ты взамен покажешь мне, как проходишь сквозь пространство без зеркала. Я давно хотел изучить магические потоки вокруг тебя в этот момент.

— Как скажешь, — неведомо чему обрадовался Филипп.

— Когда приступим?

— Да хоть сейчас! До полуночи еще далеко. Или тебя ждут дома? — спросил я безо всяких посторонних мыслей, но Фил на миг помрачнел.

— Я часто поздно прихожу, — ответил он. — И специально следить никто не будет. Так что давай сейчас.

Зал, в котором можно было бы тренироваться, я обнаружил еще в первые дни, только защита на нем пока что стояла слабая. Что ж, придется усилить. А пока что хватит и этой, все, чего хочу на сегодняшний день — оценить, насколько разросся магический потенциал моего бывшего ученика. Мы быстро перетаскивали туда четыре напольных зеркала — по одному в каждый угол, я немного поправил магические нити и замер в центре зала.

— Нападай, — приказал брату.

— Что, вот так просто? — смутился он.

— А ты что думал, мы будем цветочки нюхать? Нападай, кому говорят!

Филипп понял, что не шучу. Первым делом выставил защиту — крайне занятную, стоит признать.

— Замри! — приказал я и подошел ближе, изучая замысловатое плетение щита. Что он сюда намешал? Вижу поглощение урона, толику отражения и какие-то обманки. Интересно. Захотелось испытать щит на прочность. Сначала постучал по нему темной магией — отлично отражает. Затем светлой — не хуже. И только серая магия пустоты слегка

просочилась внутрь. Ничего, и эту сторону наладим.

А затем я атаковал. Филипп отшатнулся, уходя с линии удара.

— Ты чего? — крикнул мне, но настоящий противник не станет объяснять, как и когда планирует ударить. Он будет просто бить, и все. Вот и я — бил. Стараясь только не применять смертельных заклинаний, потому что защита зала не позволяла. Но вскоре у Филиппа пол запылал под ногами, а я оценил, каким подарком наградила меня пустота. Ее магия была ошеломляющей и идеально сочеталась с моей.

Фил тоже разозлился и перешел на куда более серьезный уровень заклинаний. Теперь передо мной был не просто мальчишка, но — маг. Один из сильнейших в стране, если не самый сильный. Однако я заметил сразу, что брат не использует и половины своего потенциала. Увеличил мощь удара, вынуждая Филиппа тоже усилить заклинания. Нет, так не пойдет!

— Ты что, пять лет не тренировался? — отшвырнул в стену его очередную атаку и остановился.

— Тренировался, — запыхавшись, отвечал Филипп. — Но разве я виноват, что все три стихии сразу тренировать было не с кем? Анри некогда, папе здоровье не позволяет, а другим рассказывать нельзя.

— А Рейдес?

— Он меня терпеть не может! Да и темный он, а темной магии меня Синтер научил. С остальными-то что делать?

— Понятно. — Видимо, проблема больше, чем я предполагал. — Теперь покажи мне, что стало с твоей зеркальной магией. Давай десять переходов через зеркала на время.

И уставился на настенные часы, которые от наших упражнений покосились и едва не падали. Фил шагнул в ближайшее зеркало, вышел из противоположного... Достаточно быстро и уверенно. База никуда не делась, братец ее значительно расширил.

— Дальше что? — спросил он, останавливаясь после десятого раза.

— А дальше — то же самое, — ответил я, — только без зеркал.

Фил усмехнулся и шагнул вперед, исчезая из поля зрения. У него без зеркал получалось даже быстрее. Я разглядывал потоки силы и понимал, в чем дело. Но понимал ли брат?

— Как ты это делаешь? — спросил, когда упражнение закончилось.

— Представляю зеркало и иду, — пожал он плечами.

— То есть ты не понимаешь, что используешь отнюдь не зеркальную магию?

— А какую? — уставился на меня Фил.

— Магию пустоты. Ты из нее строишь коридор, как это делал твой брат. Но твой коридор другой — точный и действительно похожий на зеркальный лабиринт. Молодец, неплохо. В отличие от зеркал пустота всегда под рукой.

И я аккуратно запустил в Фила заклинанием.

— Да ты издеваешься! — взвился тот, отчаянно чихая.

— А раньше ты быстрее поднимал щиты. Теряешь сноровку. Беру свои слова обратно, двух раз в неделю недостаточно. Приходить будешь через день в любое время суток — у меня пока нет неотложных дел. Только дома не говори, запретят.

— С чего ты взял? — снова насупился брат.

— А разве я не прав?

Фил закусил губу и ничего не ответил. Какой же он все-таки еще ребенок! Так и не научился врать. Никто не обрадуется, когда поймет, где их младший сын и брат пропадает вечерами. Это было ясно и мне, и ему, но Филипп никак не желал этого признавать.

— Хорошо, — наконец кивнул он. — Я не стану говорить. Но, думаю, меня и так скоро заметят шпионы магистрата.

— Это те, которых я на голову магистрам выбросил, что ли? — Мне вдруг стало смешно. — Не беспокойся, если замечу хоть одного, его постигнет та же участь. А теперь давай провожу тебя хотя бы до границ квартала, время позднее.

— Сам дойду, — тут же напыжился Филипп, но я не спрашивал, а утверждал, поэтому накинул плащ и следом за ним вышел в ночную прохладу. Пахло дождем — наверное, магистрат решил, что пора немного напитать землю водой. В пустоте не было никаких запахов, поэтому я довольно втянул носом воздух.

— Может, тебе что-то нужно? — осторожно спросил Фил.

— Продукты или...

— Зеркала. Все, что мне нужно — это зеркала, — ответил ему. — Как можно больше, любых форм и размеров. Я замыкаю на них защитный контур.

— Я поищу.

Дальше мы шли молча. Я проверял пространство. Фил, похоже, тоже, но за нами никто не следил, а как только потянулись более оживленные кварталы, я остановился.

— Сам доберешься? — спросил его.

— Конечно, — спокойно ответил Филипп. — Я приду послезавтра с зеркалами, только ближе к вечеру, утром у меня лекции.

— Учишься?

— Преподаю.

И чем думал Рейдес? Потому что другого учебного заведения, куда могло занести братца, не было! Филиппу самому бы кто преподавал.

— И какой же предмет?

— Теорию и практику защитной магии, — ответил он.

— А! Ну, в этом ты хорош. Но ты бы лучше собой занялся, а не другими.

Фил промолчал. Я заметил, что он вообще больше отмалчивается, когда не желает спорить. Странный парнишка. Себе на уме.

— До встречи, — сказал я ему.

— До встречи, — донесся ответ, и брат зашагал прочь, а

я на всякий случай пустил по его следу тень — чтобы убедиться, добрался ли он домой. У его семьи всегда было много врагов, да и личных у Филиппа хватало.

Сам же вернулся в башню. Уже поднялся на свой этаж, когда почувствовал легкое, почти невесомое вмешательство в защиту. Выглянул в окно — и увидел только белый хвост, скрывшийся за дверью. Любопытно... Пустота пропустила любимого оборотня? Надо завтра внести изменения, чтобы моя защита случайно не зашибла волчонка и уж точно не пропустила его папу. Спускаться вниз и здороваться не стал. Захочет — поднимется сам. Нет — в башне этажей хватит, пусть сидит, где сидит.

С этими мыслями замкнул защиту и отправился в зал пустоты. Надо было поработать, потренироваться... Удивительно, как много дел у меня находилось даже, казалось бы, в полном одиночестве. Хотя, учитывая визиты брата и мелькнувший хвост, одиночеством это было крайне трудно назвать. А я так и не понял, рад этому или нет.

Глава 5

Пьер

Месяц выдался крайне насыщенным. Настолько, что я забыл, что такое свободное время и существует ли оно вообще. А еще казалось, что в Гарандии каждый день кого-то убивают, похищают, проклинаят или крадут. Мрак! Но мне за это

платили, и платили неплохо, поэтому я брался за новые и новые дела, забывая про еду и сон. Вот и сейчас возвращался после весьма познавательной беседы. Она должна была помочь пролить свет на крайне запутанную историю.

Остановился, потер виски... После того дня, когда мы с Филом слышали звон туманного колокола, головная боль стала привычной спутницей, и я никак не понимал, почему. Да, я когда-то был магом пустоты, но это время кануло в прошлое. Теперь от былой силы остались воспоминания, но я не жаловался. Можно было бы попытаться вспомнить... Я и пытался иногда, только взамен всегда приходила эта самая головная боль. Вот и теперь неожиданный приступ заставил несколько минут стоять, опершись на фонарный столб. Прохожие косились на меня. Решили, что пьян? И пусть, вот только продолжить путь смог нескоро. Может, дело в том, что появился новый магистр? И теперь моя магия откликается на это подобным образом?

Я свернул за угол. Дальнейшее произошло так быстро, что позднее непросто было восстановить порядок событий. Черная вспышка, летящая в глаза. Слишком поздно взметнувшаяся магия — и заклинание, летящее наперерез.

— Вы в порядке, месье? — услышал взволнованный девичий голос.

— А? — ошеломленно обернулся я. — Д-да, в порядке, в полном. А вот он, кажется, нет.

На том месте, где только что был мой противник, осталась

только странная серая клякса. Вот это силища! Никогда не видел подобного.

— Спасибо, — пробормотал, разглядывая свою негаданную помощницу. Это была худощавая светловолосая девушка с огромными голубыми глазами. Взглянешь — скажешь «куколка». Но сколько же у этой куколки сил! Так просто уничтожить мага. Он даже щиты поднять не успел.

— Кто вы? — спросил у спасительницы.

— Я? — Она застенчиво поправила выбившийся локон за розоватое ушко. — Может, не здесь? Вы очень дурно обо мне подумаете, если я попрошусь к вам домой?

С чего бы мне думать дурно о прекрасных дамах? Поэтому протянул ей руку и увлек за собой. Тем более что у меня появились вопросы. Мелькнула и другая мысль — мадемуазель может быть подсадной уткой, и тогда защита дома поможет поймать ее с поличным. При этом лицо девушки вроде бы казалось знакомым. Мы когда-то встречались? Увы, я не помнил об этом, как и о многом другом, касающемся моей жизни. Тем более стоит узнать.

Моя квартирка располагалась на втором этаже старого дома. Удобное местоположение. Напротив — постоянный двор, где всегда можно вкусно пообедать и услышать последние новости. А в самом доме обитал только я. Уже выкупил соседнюю квартиру, чтобы расширить свои владения, и подумывал приобрести и первый этаж, если практика продолжит расти. Мы поднялись по скрипящей лестнице, я приказал ду-

ху-хранителю не трогать странную гостью, но лишь сегодня. Кто знает, что от нее ожидать?

— Прощу в мое скромное жилище, — распахнул перед ней двери квартиры. — Прямо по коридору и налево.

Я редко принимал клиентов дома. Тем не менее случилось, поэтому постарался, чтобы гостиная выглядела презентабельно. Главной ее достопримечательностью был большой дубовый стол. И выглядел солидно, и стоил дорого, сразу внушая доверие. Кресла тоже подбирал особые — с высокими спинками, но жесткими подлокотниками, чтобы было и уютно, и по-деловому. Остальные мелочи дополняли основной интерьер. Например, светильники на подставках, которые больше освещали лицо собеседника, чем мое собственное. Или картины в одинаковых рамах красного дерева с позолотой. Девушка оглядывалась с легким удивлением. Наверное, мое жилье представляла себе не так.

— Присаживайтесь, — указал ей на «особое» кресло. — Чайный отвар? Ягодный настой?

— Нет, благодарю вас, месье Эйлеан.

Что? Я замер. Как она меня назвала?

— Мы с вами знакомы? — спросил чуть строже.

— Да. — Моя незнакомка потупила взор. — Когда-то давно... я была одной из ваших теней.

Вот так новости! Я тяжело опустился напротив, уже пристальнее вглядываясь в незнакомку. Значит, она — маг пустоты? Но она казалась такой юной. Сколько же ей лет? Два-

дцать пять, не больше. Я принял ее на службу в двадцать лет?

— Простите, я не помню, — ответил тихо.

— Я знаю, — кивнула она. — И если бы не острая необходимость, не пришла бы. Но прежде чем о ней говорить...

Девушка будто засомневалась.

— Месье Эйлеан, я могу вернуть вам память, — сказала она.

Вернуть память? Я замер на месте. Иногда мне казалось — зачем вспоминать, если я счастлив и так? А иногда грызла непонятная тоска, будто упустил нечто важное. Ведь это была моя жизнь, пусть, возможно, и сложная, но — моя.

— Вы хотите этого? — спросила девушка.

— Назовите для начала ваше имя, — попросил я.

— Виктория. Меня зовут Виктория, месье Эйлеан.

Виктория, значит... Я поднялся и прошелся по комнате. Хотел ли я вспоминать? Сердце заныло, будто предупреждая, что не стоит. Что же мне пришлось забыть по воле пустоты? Что я такого натворил? Это была часть меня. Отсутствующий фрагмент, который мешал достичь целостности. Поэтому я остановился перед ней и тихо сказал:

— Хочу.

— Тогда лучше присядьте, — мягко ответила она, подходя ко мне.

Я сел и почувствовал, как прохладные пальчики опустились на виски. Мягкое, почти личное касание. А затем вдруг пришел холод. Он расплзался от головы все ниже, ниже. За

холодом пришла боль. Чудовищная головная боль, от которой не было спасения. Я кусал губы, чтобы не закричать и не испугать Викторию. А когда пришли образы, все-таки закричал...

Больно! В груди все горело огнем. Меня будто разрезали на части — и собрали снова. Человек получился скверный... Я с горечью рассмеялся, обхватывая голову руками. Спасибо, Пустота. Ты дала мне забыть... Забыть о том, что исковеркало меня, измололо и сделало пылью. Зачем мне понадобились эти знания? Но все-таки я был рад. Потому что вернулась только память. Ни любви, ни ненависти... Такого груза я бы не вынес.

— Как вы, месье Эйлеан? — с тревогой спросила Виктория.

Вики. Конечно, теперь я вспомнил ее — самую юную из моих теней. И одну из самых одаренных. Я долго отказывался принимать девушку в охрану, но она оказалась настойчивой и доказала, что достойна доверия. Но почему Вики появилась именно сейчас?

— Все в порядке, — ответил я, силясь улыбнуться. — Как ты нашла меня?

Она ведь, как и многие, едва ли знала меня в лицо, да и во внешности Пьера Лафира осталось так же мало от магистра Эйлеана, как и внутри.

— Я долго искала. — Вики отвела взгляд. — А потом еще дольше опасалась подойти.

— Где же другие тени? — спросил ее.

— Нас осталось слишком мало, месье Эйлеан. Большинство погибли той ночью, когда вы перестали быть магистром. И я не пришла бы к вам, если бы не одно обстоятельство...

— Какое же?

— Кто-то хочет снять печати с пустоты.

Что? Неужели новому магистру делать нечего? Или это не он? Я вспомнил мрачного парня, который стал моим премником. Пять лет в пустоте... Большой срок. И огромный период, когда неведомые «освободители» могли выполнить свой план. А теперь магистр на месте. К чему так усложнять? Именно этот вопрос я и задал Виктории.

— Все непросто, месье Эйлеан, — ответила она.

— Называй меня Пьер, — поправил девушку. — Магистра Эйлеана все равно больше нет, а есть Пьер Лафир. Так что же случилось, Вики?

— Дело в том, что пока не было нового магистра, врата не подпускали к себе никого, — ответила она. — Многие пытались — и больше никогда не возвращались. Скорее всего, их пожирала пустота. Мы, тени, остались без магии, потому что пустота перестала делиться ею с нами. А когда магистр вернулся, магия проснулась. Поэтому я и подозреваю, что открыть врата и выпустить пустоту хочет кто-то из теней.

— С чего ты вообще это взяла? — попытался найти зацепку.

— Мой брат... вы помните моего брата, месье Эйлеан? Пьер...

Конечно, я помнил. Он был старше, но пришел к нам позднее.

— Помню, Вики. Так что с Демьяном?

— Ему предлагали... нечто подобное, но он отказался, а затем пропал. Больше я его не видела. Никто не говорит, что этим людям удастся задуманное, но вдруг? Вдруг они действительно выпустят пустоту? Это уничтожит всех нас! А новый магистр не призывает теней. Мы послали к нему одного из нас, он и слушать не стал, сразу вышвырнул вон. Он силен — и слаб одновременно. Ведь что может один человек?

— Многое, если за его спиной — Пустота, — ответил я.

— Сколько вас, Вики?

— Пятеро, — ответила она. — Я, Кейт, Максимилиан, Вернер и Алек. Но парни были против, чтобы я впутывала вас в это. И поэтому пришлось идти самой.

— Понимаю. Что ж, Вики, постараемся найти наших освободителей. Однако сегодня я попрошу тебя уйти. Давай встретимся завтра... скажем, в пять часов вечера на постоянном дворе напротив. Поужинаем и решим, с чего начать поиски.

— Спасибо, магистр! — воскликнула Виктория. — Простите, Пьер.

— Ничего, тебе позволительно. Я и сам бы долго привыкал, если бы не потеря памяти. Но теперь все перемешалось, и мне нужно немного времени, чтобы расставить воспоминания по полочкам. Когда это удастся, можно будет понять,

куда двигаться дальше. А пока иди.

Я проводил Вики до двери, затем снова поднялся наверх и упал в кресло. Внутри бушевал ураган. Прошрое смешивалось с будущим. Тем будущим, которое так кропотливо выстроил и не хотел терять. Кирпичик за кирпичиком в течение пяти лет. А теперь все грозило рухнуть. Но если Вики права, значит, дела наши плохи. Пустота не станет церемониться. Она пожрет все, до чего дотянется. Поговорить бы с новым магистром... И если это ничего не даст, был еще один человек, с которым можно посоветоваться. Только этот вариант я оставил на крайний случай.

Вечер выдался холодным. Поэтому захватил плащ и вышел в сгустившийся сумрак. Путь до башни пустоты казался привычным — и совершенно чужим. Сердце глухо билось в груди. Откуда-то пришло непонятное беспокойство. Что мне сказать новому магистру, чтобы он услышал и принял меры? Как объяснить? А может, и объяснять не придется?

Ускорил шаг, чтобы полчаса спустя оказаться у знакомых ворот. Вот только дальше пройти не смог. Взметнулись щиты защиты, отсекая башню, делая ее недоступной. И что делать? Заметили ли мое присутствие? Если да, станут ли со мной разговаривать?

Входная дверь отворилась, и на пороге показался высокий мужчина в черной рубашке и брюках. Я помнил его другим. Тогда его лицо было диким, отчаянным, будто наполненным яростью. Сейчас же передо мной была скала. Даже подума-

лось, а не забрала ли Пустота у него чувства, как у меня когда-то? Магистр замер у входа, не подходя к воротам. Я же терпеливо ждал, пытаюсь понять, узнал он меня или нет.

— Перепутали дорогу, месье Эйлеан? — колко спросил мой собеседник, и перед глазами тут же возник юноша, которым он когда-то был. — Не помню, чтобы приглашал вас в гости.

— У меня к вам важный разговор, магистр, — ответил я, не зная, как к нему обратиться. Варне? Вейран? Кто он теперь?

— Для важных разговоров есть дневное время суток. Или боитесь, что вас здесь увидят? — Он откровенно насмеялся, а мне хотелось стереть ухмылку с красивого, но безжизненного лица.

— Прошу уделить мне четверть часа, и тогда сами решите, стоило ли приходить.

Защита исчезла. Я перешагнул черту, отделявшую меня от собеседника, и подошел к нему, чувствуя, как щиты возвращаются на место.

— Слушаю вас. — Андре скрестил руки на груди и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом. Почему Пустота не преобразила его? Почему она так поступила со мной? Видимо, этот тип устраивает ее таким, какой есть.

— Мне стало известно, что группа лиц в Альсенбурге хочет сорвать печати и выпустить Пустоту из ее тюрьмы, — сказал прямо. — Пока не знаю, кто именно, но собираюсь

найти.

— Вы зря тревожитесь, месье Эйлеан, — ответил Андре. — Я здесь и, уж поверьте, не дам этому произойти. Да и сама Пустота никуда не рвется. Если бы ей была нужна свобода, она попросила бы меня. Хоть раз за все это время.

— Рад слышать, но все же надо принять меры, усилить охрану...

— Вы видите здесь охрану? — перебил магистр.

И правда, никого... Абсолютная пустота.

— Но как же? — попытался возразить, только кто меня слушал?

— Вы полагались на других, месье Эйлеан, — продолжил Андре. — Но тени не спасли вас от моего покушения. Спасла Пустота, и то лишь чудом. Не спасли они вас и тогда, когда магистрат едва не канул в пропасть. Нельзя доверять людям, месье Эйлеан. Они обманут и предадут. Доверять стоит лишь себе.

Я вздрогнул. На миг стало страшно. Был ли он человеком, этот магистр? А если был, то как таким стал?

— Если бы я доверял лишь себе, меня бы уже не было в живых, — сказал ему. — У вас хорошая защита, но все предусмотреть невозможно. Будьте осторожны, магистр. От вас зависит равновесие.

— Это уже не ваша забота, — прозвучал ответ.

Я развернулся и пошел прочь. От встречи осталось двойственное впечатление. Было жутко — это определенно.

Неужели я сам был таким же? Если это действительно так, Пустоту стоит поблагодарить дважды. И неужели он не понимает, как уязвим? Он ведь не божество, а человек. Людям свойственно ошибаться, делать неправильный выбор, недооценивать опасность — или же, наоборот, переоценивать ее.

Что же делать мне, если магистр пустоты отказывается видеть дальше собственного носа? А в чем, собственно, вопрос? Моя работа — находить доказательства и делать так, чтобы люди, виновные в преступлениях, понесли за них наказание. Вот и сейчас стоит заняться своей работой. Встретиться с Вики, понять, кто именно желает расшатать хрупкое равновесие — и уничтожить угрозу. А потом можно будет ткнуть носом магистра в свершившийся факт.

Да, именно так. А утром меня ждал еще один визит. Важный и нужный для того, чтобы все встало на свои места. Визит к Полине Вейран.

Глава 6

Андре

О том, что у меня есть сосед, говорило многое. Во-первых, ночью иногда раздавался едва слышный хлопок двери. Во-вторых, исчезала пища. Я подумал — и начал оставлять еду на видных местах. Мне самому надо было достаточно мало, а мальчишке в его... семнадцать, наверное, — много. Мне такое соседство ничуть не мешало. Устраивает волчонка жить

в полуподвальных помещениях первого этажа — и пусть живет, а у меня были свои заботы. С утра — собственные тренировки и настройка новых зеркал. По вечерам — работа с Филиппом, которого я гонял по башне и вокруг нее так, что пыль стояла столбом. Это же надо — так мало заниматься при таком большом потенциале! К счастью, его семейка пока не подозревала, где пропадает их младшенький, иначе проблемы сами возникли бы на пороге.

Самое забавное, что Фил и волк ни разу не пересекались. Волк специально дожидался, пока брат уйдет, и только потом высовывал нос. Или уходил раньше, чем приходил Филипп. Мне было смешно наблюдать за этой возней. И любопытно, когда же эти двое встретятся.

Наверное, так бы продолжалось и дальше, если бы не произошел целый ряд событий, которые помешали моим наблюдениям. Во-первых, в столицу вернулся герцог Дареаль. Об этом рассказал раздосадованный Филипп.

— Нет, ты представляешь? — говорил он. — Мать с отцом — ничего, а Этьен сразу: «Куда это ты собрался?» Подозревает, что я Вилли прячу, что ли? Еще и проследить за мной попытался. Я прямо у него из-под носа ушел в зеркальный коридор.

— Не зеркальный, а пустотный, — поправил я.

— Да какая разница? — взвился брат.

— По-твоему, никакой?

— По-моему, кое в ком слишком много от профессора!

Мы не в гимназии, Андре.

— Я помню. Раз уж все настолько осложняется, я могу открыть тебе для перехода одно из зеркал, чтобы не рисковал. Расстояние, конечно, великовато, но и ты неплохо владеешь этой магией. Попробуем?

— Да, давай! Главное, чтобы дома не хватились. А то после слов Этьена отец начал на меня странно поглядывать. Если он еще и Анри скажет, тот точно своего не упустит, и буду я от двоих бегать. А Дареаль сам хорош. За одним ребенком уследить не может, зато мне вставляет палки в колеса.

— Боюсь, за этим ребенком никто не уследит, — усмехнулся я. — И вряд ли герцог его отыщет. Волчонок прекрасно взаимодействовал с пустотой уже в двенадцать лет. Он стал старше. Думаю, его сила выросла.

Кстати, неплохо было бы оценить этот уровень силы. Но тогда придется выманить волка и выдать, что мне прекрасно известно о его соседстве. Сбежит еще.

— Этьен говорит, что да, — вроде бы утомился Фил. — По сути, из-за этого и возник конфликт. Вилли через пустоту выбирался из замка и где-то пропадал, а отец поймал его на этом и попытался посадить под замок. А когда открыл комнату, никого там не было.

— Волки — существа свободолюбивые, герцогу ли не знать? — пожал я плечами, наблюдая в окно, как солнце садится за городом. — Тем более волки, входящие в пору магического совершеннолетия. Сам виноват, надо было дого-

вариваться.

Брат вздохнул.

— А если с ним что-то случилось, Андре? Ведь не мог же Вилли просто пропасть.

— Ничего с ним не случилось, уж можешь поверить, — ответил я. — Более того, он в столице, жив и здоров.

— Ты видел Вилли? — подскочил брат.

— Можно и так сказать. Но я не стану тревожить волчонка только потому, что его папа заявляет права вожака стаи.

Фил улыбнулся. Стало заметно, что он успокоился. Теперь можно приступать к тренировке. На этот раз я не стал затягивать — завтра настрою зеркало на его переход, а сегодня меньше подозрений, меньше опасности. Привычно проводил Филя до границы квартала и уже возвращался, когда впереди послышался визг. Остаток пути до башни преодолел бегом. Так и знал! Волчонок все-таки угодил лапой в мою ловушку. Этот-то чем думал? И теперь угрюмо лежал рядом, не имея возможности выбраться.

— Что, лежишь? — Я сел рядом. — Папа не учил, что не стоит совать нос всюду, откуда тянет магией?

Волк недовольно рыкнул и закрыл глаза. Это значит, что разговаривать со мной он не станет? Хорошо, тогда пусть посидит до утра, подумает о своем поведении. Я поднялся и пошел к башне. Волк недоуменно рыкнул вслед.

«А отпустить?» — разобрал я.

— А ты просил? — обернулся к белому зверю, который

по размерам уже превосходил хорошую овчарку.

«И что, ты меня так и оставишь?» — возмутился волчонок.

— Да, раз у тебя нет манер. А еще наследник герцогского титула. Тьфу!

И пошел к двери.

«Отпусти, пожалуйста», — долетело в спину.

Обернулся. Волк уложил голову на передние лапы и умильно глядел на меня. Пришлось возвращаться и снимать ловушку с его задней лапы.

— Превращайся, — приказал этому несчастью. — На лапу стать можешь? Точнее, на ногу.

Фигура волка подернулась туманом, а мгновение спустя передо мной был растрепанный мальчишка с пронзительными голубыми глазами. Волосы торчали в разные стороны, одежда запылилась и была чуть влажной. Наверное, он ходил на ближайшую реку, купался. Да, волчонок вырос, но зубы еще не отрастил. Он попытался шагнуть, закусил губу и вздохнул.

— Больно?

— Неприятно.

— Будешь думать, потом лезть. Обернись пару раз, должно помочь.

Я наблюдал, как волчонок за секунду меняет ипостась.

— Да, так лучше. — Он хотя бы мог идти. — Слушай, не говори никому, что я здесь, хорошо?

— С какой это стати? — Я ускорил шаг, и Вилли пришлось меня догонять. — Ты поселился здесь без разрешения. Пустота волкам не игрушка, пусть даже белым. Ты ногами хлопаешь дверью, суешь свой нос в мои комнаты...

— Андре, пожалуйста.

Я обернулся. Мальчишка выглядел несчастным и расстроенным донельзя.

— Ладно, давай поговорим, потом решим, — смилился я. — Наверх поднимешься?

— Да, уже почти не больно.

Мы поднялись в ту комнату, которую я считал жилой. Вилли тут же забрался на подоконник и едва не прижался носом к стеклу.

— Что смотришь, не видать ли отца? — поинтересовался я.

— А? — обернулся Вилли. — Нет, с чего ты взял? Просто вечер хороший. Красиво.

— Что красивого? — остановился рядом с ним. — Вечер как вечер.

— Ну как же? Небо такое высокое, уже звезды появляются. Вон, смотри, волчья звезда ярче всех!

Я поморщился. Не понять мне логики семнадцатилетнего волчонка. Какие звезды? Какое небо?

— Голодный? — спросил о более насущных проблемах.

— Да, немного, — смутился Вилли. — Я только за ужином собирался, как... А ты зачем столько ловушек наставил?

Боишься кого?

— Никого я не боюсь. Но и видеть никого не хочу, — ответил этому чудовищу и пошел за едой. Вернувшись, застал парнишку с листом бумаги, явно украденным с моего стола, и огрызком карандаша в руках. Он что-то увлеченно царапал, покусывая то карандаш, то кончик языка. И кажется, меня не заметил. Упустил Дареаль сына.

— Что ты делаешь? — спросил, ставя перед ним тарелку.

— А? — Вилли вздрогнул всем телом. — Напугал. Я не слышал, как ты вошел.

Плохи дела...

— Ужин, — напомнил я.

— А ты? Со мной не будешь?

Качнул отрицательно головой. Есть не хотелось. Настроение было откровенно гадким, хоть и причин для этого не существовало. Бывает... Пройдет.

— Что ты рисуешь? — Взял со стола листок, пока Вилли схватил ложку и глотал кашу, даже не жуя.

— Отдай! — сорвался тот, даже не проглотив еду, а я с удивлением разглядывал собственную физиономию. Если бы встретил такого типа на улице, перешел бы на другую сторону. Потому что на лбу даже без букв можно было прочитать: «Убью». Что ж, так и должно быть. Все правильно.

— Я не трогаю, — опустил рисунок на место. — Ешь, волчонок.

Вилли покосился на меня подозрительно и опять принял-

ся есть, а я сел на диван и наблюдал за ним. О причине, которая привела сюда волка, я догадывался и без рассказа Филя. Но башня пустоты — не то место, где ему стоит находиться.

Тарелка осталась пустой, а Вилли тоже перебрался на диван.

— Ну, давай, — сказал он.

— Что? — уставился я на него.

— Воспитывай.

Я едва сдержал смех.

— Послушай, волчонок, на то, чтобы тебя воспитывать, есть твой папа и его супруга. У меня же несколько другая профессия или обязанность, не находишь?

Вилли молчал. Только рисовал носком ботинка узоры на полу.

— Расскажешь? — спросил я, хотя на самом деле разговаривать не хотелось. — Что у тебя случилось?

— Да ничего. — Он пожал плечами. — Все очень просто. Я... не хочу быть отцу обузой.

Вот тебе и приехали! Это что за новости?

— И чем же, позволь спросить, ты его обременяешь? — поинтересовался осторожно.

— Да всем, — фыркнул Вилли. — Только и слышно: не то, не так. Не бери, не стой, не сиди. Только под ногами путаюсь.

Это было бы смешно, если бы Вильям не говорил на полном серьезе.

— И поэтому ты решил уйти из дома?

— Да. Я уже взрослый, сам могу о себе позаботиться. А у него теперь другая семья, другие дети.

Я замер. Не вспоминать! Забыть, закрыть на засов, запечатать... Пары секунд хватило, чтобы успокоиться. В случае Вилли все не так страшно, как видится волчонку, я уверен.

— Я думаю, ты не прав, — сказал ему. — Ты тоже его семья.

— Да, но... Понимаешь, они маленькие. Им все можно. А мне — ничего. Почему так?

— Может, потому что они маленькие? — Я все-таки улыбнулся. — Сколько у тебя младших?

— Трое, — горестно вздохнул Вилли. — Средняя сестра, ей четыре. И еще двойняшки, мальчишка и девчонка, им по два. Везде лезут! Нигде не скрыться. И даже с отцом не поговорить, понимаешь? Сразу один из трех, но мешается. Хотя ему некогда со мной разговаривать даже без них. У него дела, поместье, какие-то сделки. А что я? Так, ничто. Боевой магии учиться не желаю, рисую что-то. Он злится, я злюсь. Нет, нам лучше держаться подальше друг от друга.

— Ты ему об этом говорил? — спросил я.

— Да нет же! Объясняю, с ним невозможно что-то обсудить! — взвился Вилли. — А когда получается, он все равно меня не слышит. Я там лишний, Андре.

Глупый волчонок... Впрочем, Дареаль сам виноват. Если у него целая орава малышни, это еще не означает, что надо забыть о старшем.

— Послушай, Вилли, — попытался подобрать слова, хоть в этом никогда и не был силен. — Если бы ты был там лишним, то твой отец не приехал бы в столицу.

— А он приехал? — мигом побледнел мальчишка.

— Да, и ищет одного непутевого волчонка. Не знаешь такого?

Вилли опустил нос и уставился в пол.

— Я... понимаю, почему ты себя так чувствуешь, но... он у тебя хотя бы есть. Цени. И даже если не хочешь видеть, возьми хотя бы визор и напиши, что жив и здоров. Он ведь волнуется.

— Думаешь? — неуверенно спросил Вилли.

— Уверен. Хочешь, взглянем, чем он занят? Думаю, тебя это удивит.

— Хочу, — ответил тот.

Я поднялся и подошел к настенному зеркалу. Коснулся, призывая магию, начертил силой линии на стекле. Что ж, удивил, так удивил. Просто не то слово, как! Только не Вилли, а меня самого, потому что герцог Этьен Дареаль как раз подходил к воротам башни пустоты.

Глава 7

Пьер

Я не виделся с Полли два года. Теперь стало ясно, что она просто избегала меня. Пыталась защитить таким образом,

уберечь от возможной влюбленности, потому что никогда бы не полюбила в ответ. Ей был нужен ее магистр и никто другой. Так было с самого первого дня нашего знакомства, так осталось и теперь. Анри Вейран. Я когда-то был настолько глуп, чтобы его ненавидеть. Сейчас, конечно, все переменялось. И когда я вспоминал о знакомстве с графом Вейраном, понимал, было, за что его уважать. В нем была внутренняя сила, неподвластная многим. И такая же сила, только сердечная, была в самой Полли.

Я не представлял, что ей скажу, но хотел точно знать, остались ли у меня к ней чувства. Потому что когда-то Полли заменила мне целый мир. Я замер перед большим особняком. На клумбах уже расцветали первые розы. Сам дом, столько переживший пять лет назад, казался наряднее обычного. Теперь за ним тщательно следили, ухаживали, берегли.

Стук в ворота — и такой же оглушительный стук сердца. Несколько томительных минут ожидания, пока не появится слуга. И вопрос, который застрял в горле:

— Могу я видеть мадам Полину Вейран?

— Пройдите за мной, — поклонился слуга. — Как о вас доложить?

— Пьер. Пьер Лафир.

Я миновал вымощенную декоративным камнем дорожку и вошел в дом. Внутри царили уют и прохлада. Слуга провел меня по первому этажу в большую светлую гостиную. Ее украшал герб светлого магистрата. Значит, личные комнаты

магистра и его супруги. Еще пара мгновений — и раздались знакомые шаги, а Полли почти влетела в комнату и замерла.

— Пьер! — обрадованно воскликнула она. — Такой приятный сюрприз.

— Здравствуй, Полли, — улыбнулся я.

Материнство украсило Полину. Ее лицо стало мягче, улыбка — светлее. При этом она осталась все той же Полли, которая спасала своего будущего супруга из лап Пустоты. Полли тоже смотрела на меня с легким удивлением. Конечно, можно было сыграть перед ней Пьера Лафира, но я не хотел.

— Присаживайся, — пригласила Полли. — Может, чай?

— Нет, спасибо, я ненадолго.

Я и сам не знал, надолго или нет. Зависело от хода нашего разговора.

— Полли, я... все вспомнил.

На миг она побледнела. В лучистых глазах мелькнул испуг, и я поторопился взять ее за руку:

— Не беспокойся. Моих чувств к тебе больше нет. То есть я по-прежнему люблю тебя, но как друга.

И это было правдой. Мне было радостно видеть Полли, ловить ее улыбку, ощущать тепло. Но это — дружеская симпатия, не любовь. И от этого было радостнее вдвойне.

— Ты знаешь, я счастлива, что ты пришел, — совладала Полли с первым удивлением. — Давно хотела тебя увидеть, но все как-то...

— Боялась? — подсказал я.

— Да, немного, — смутившись, согласилась Полина. — Мне казалось, что нам не стоит встречаться, потому что...

— Я все понимаю, Полли. Больше не о чем беспокоиться. Расскажи, как ты.

— Да что я? Муж, дети. Илберт еще совсем маленький, занимает почти все мое время. А ты?

— Работаю. В основном работаю.

— А как ты...

И снова отвела взгляд.

— Все вспомнил? — усмехнулся я.

— Ну да.

А в глазах Полли уже зажглось любопытство. И все-таки внутренне она мало изменилась. Значит, можно рискнуть и попросить ее о помощи.

— На меня напали и пытались убить.

— Что? — Полли едва не подскочила с диванчика, но я перехватил ее руку и заставил сесть рядом.

— Все обошлось. Не всем нравится ход моих расследований, решили поквитаться. Мне помогла старая знакомая, которая долго меня искала и, наконец, нашла. Одна из моих бывших теней.

— Среди них были девушки? — Полли уставилась на меня, не веря своим ушам.

— Да, пусть и крайне мало. Вики в своем роде была единственной. Так вот, именно она и помогла мне вернуть вос-

поминания. И я благодарен ей за это. Понимаешь, Полли, после приговора Пустоты я стал счастливее, это правда, но какой-то части меня все же не было, а теперь она вернулась на место. Вики, возможно, не стала бы этого делать, если бы не одно но.

— Какое же? — насторожилась Полина.

— Пообещай, что все сказанное останется между нами.

— Клянусь! — тут же откликнулась Полли.

— Вики получила информацию, что некая группа людей хочет снять печати и выпустить Пустоту.

— Что? — Полли замерла. — Но зачем?

— Если бы знать? Вики подозревает, что в деле замешан кто-то из бывших теней. Если так, они могут поклоняться ему, стараться подобным образом обрести силу. Ты не могла бы осторожно узнать у графа Вейрана, не было ли в последнее время в городе чего-то странного? Конечно, исключая то, что у нас новый магистр пустоты?

— Конечно, я попытаюсь. А может, стоит поговорить с Андре, предупредить его? Все-таки не зря Пустота назначила его магистром.

— Думаешь, я не пробовал? — вспомнил лицо новоиспеченного магистра. — Он и слушать меня не пожелал! Почти прямо указал, что в чужих советах не нуждается, а если я буду лезть в его дела, отправит на встречу к Пустоте. А я не желаю с ней видаться, Полли.

Полина улыбнулась. Мне же стало легко, будто камень с

души упал.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещала Полина. — Где ты сейчас живешь?

— Там же, где мы когда-то жили с тобой и Филом.

— Тогда, если будут новости, дам знать. И ты держи меня в курсе дела.

— Доброе утро, месье Лафир.

Я вздрогнул и обернулся. Ситуация напоминала дурной анекдот, когда супруг застаёт жену с любовником. Мы с Полли любовниками не были, но граф Анри смотрел на нас как-то излишне подозрительно и совсем не дружелюбно.

— Здравствуйте, граф, — поднялся я и поклонился. — Рад видеть.

— Взаимно. Чем обязаны?

И зыркнул на Полли. Та покраснела. Да, после пяти лет брака граф Вейран не стал менее ревнив. И ко мне лучше не относится, но это как раз ожидаемо.

— Проходил мимо, решил навестить давних знакомых, — ответил я, разглядывая магистра света. Изменился? Да. Но сейчас Анри Вейран больше походил внешне на юношу, которого я отправил в пустоту, чем на того, кто оттуда вернулся. Наверное, это хороший знак.

— Я уже ухожу. Хорошего дня, магистр, Полина.

— Мы всегда тебе рады, Пьер, — с улыбкой ответила Полли, и ее мужу оставалось только согласно кивнуть. Занятая пара, что уж говорить. Я вышел из дома Вейранов —

жаль, нигде по дороге не попался Филипп, а заходить к нему специально не стал. Меня ждал насыщенный рабочий день — и не менее насыщенный вечер, потому что я был уверен: встреча с Вики еще не раз что-то изменит в моей жизни. По крайней мере, прежний затяжной период покоя завершен. А что впереди, пока еще никто не знает.

Ровно в пять вечера я входил на постоялый двор. Вики уже была там — сидела за дальним столом совсем одна. Даже если бы и нашлись безумцы, решившие составить компанию красивой девушке, боюсь, скоро от их желания не осталось бы и следа.

— Здравствуй, — подошел я к столу.

— Здравствуйте, Пьер, — улыбнулась она. — Я боялась, что вы не придете.

— Разве я мог не прийти? Переберемся ко мне?

— Да, пожалуй.

Я все равно опасался давать Виктории доступ к моему жилищу, лучше встретиться на нейтральной территории и пригласить к себе, потому что жизнь научила: есть слишком мало людей, достойных доверия. И пока не доказано, что доверять можно, лучше проявить осторожность. Конечно, я надеялся, что Вики искренна со мной, потому что иначе ничего хорошего из нашей затеи не выйдет. Пустота не прощает чужих игр вокруг нее.

Снова скрипучие ступеньки — и гостиная.

— А теперь рассказывай, — попросил я. — На что вам

удалось выйти?

— В том-то и дело, что нам известно крайне мало, — ответила Виктория. — Но ведь теней было не так много, Пьер. Есть те, кто точно погиб — их тела я или ребята видели своими глазами. Круг поисков уже сужается. Конечно, если предположить, что мы изначально двигаемся в нужном направлении.

— Всего вас было сорок два, — раздумывал я. — Сколько погибших?

— Шестнадцать, чью смерть мы можем доказать. Еще десяток тех, кто вроде бы умер, но точно неизвестно. Остается шестнадцать. Пятеро нас. Итого, одиннадцать.

— Лучше считать, что двадцать один. Потому что любой гипотетический труп может вполне оказаться живым человеком. Стоит убедиться, что это действительно не так.

— Согласна. Мы с ребятами вроде бы попытались проверить остальных, только разве их найдешь? Мы и реальных имен-то их не знаем. В отличие от вас.

Вики была права. Я знал каждого, кто входил в отряд теней. Откуда он пришел, чем жил. В магии пустоты никогда не попадали случайные люди. Пустота должна была уже жить в них, чтобы магия могла пробудиться. А достигалось это разными способами. Кто-то потерял близких, кто-то не нашел места в жизни, кто-то разочаровался в любви или в людях. Пустота принимала каждого, она была на редкость добра — и жестока, потому что маг пустоты терял все, что осталось.

— Я набросаю список, — сказал Виктории. — А ты поможешь мне выделить, кто точно не может быть нашим начинщиком.

Имена вспоминались не так просто. Все-таки прошло много лет. Но вскоре все сорок два были передо мной. Отметил плюсами тех, кто составлял круг общения Виктории. Осталось тридцать семь. Затем Вики называла тех, кто точно не мог быть жив, и я тоже отмечал имя за именем. Вот они, те двадцать один, кто может быть замешан в нашем деле. Но не факт, конечно. Не факт. Может, какой-нибудь маг просто пожелал силы и верит, что Пустота поделится ей? Если бы я знал, кто это, я бы его разочаровал. Пустота не делится силой. Она превращает внутреннюю боль — в магию. Создает то самое хваленое равновесие между светом и тьмой внутри каждого человека. Сделаешь шаг в сторону — и тебя разорвет. За то время, которое я был магистром, тени часто сходили с ума. Не выдерживали напора, потому что Пустота любит играть на нервах, испытывать раз за разом, как она сделала это со мной, заставив влюбиться в Полину. Конечно, человека нельзя заставить полюбить, но можно создать условия... И Пустота их создала, вернув мне из всех чувств, которые забрала, всего одно — любовь. Это едва не стоило мне и дорогим людям жизни, счастья, свободы. А потом все вдруг встало на свои места... Равновесие, чтоб его!

— И как их искать? — спросила Вики, замирая у меня за спиной. — Ведь если они сменили имя один раз, могли

сделать это и снова.

— Будем думать, — ответил я. — Должен быть способ. Поднимем архивы, я обращусь к своим товарищам законникам. На худой конец, можно даже к тайной службе обратиться, они знают все и обо всех. Но начнем сами, и крайне осторожно. Спугнем — они залягут на дно.

— Вы правы, Пьер. Хотя бы часть из них мы сможем удалить из списка. А еще ребята хотят организовать дежурство вокруг башни пустоты. Может, увидим что интересное?

— Только к самой башне не приближайтесь. Там очень мощная защита, магистр сразу почувствует вас. И ему не попадайтесь на глаза. Я знаю Андре как крайне неуравновешенного человека. Может, Пустоте и удалось это исправить, но проверять не советую. Он вас жалеть не станет.

— Вы знакомы? — уставилась на меня Вики.

— Имел такую честь и даже разговаривал с ним вчера. Он меня не услышал. Но насчет того, что Андре опасен, я говорю серьезно. Не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал, поэтому держитесь подальше от господина магистра. Если понадобится что-то у него узнать, я лучше схожу сам. Так будет куда надежнее.

— Хорошо. С кого начнем нашу проверку?

— С тех, кто, скорее всего, на виду. Завтра пойдем в архив... Нет, завтра у меня слушание. Послезавтра! И попробуем найти за последние пять лет упоминания об этих людях. А еще об особенностях открытия врат пустоты. Это мо-

жет быть древняя легенда, намек, сказка. Что угодно! То, о чем не догадался я, будучи магистром. Возможно, потому, что мне и в голову не приходило выпустить Пустоту?

— Главное, чтобы у нас получилось.

— Да, Вики. Да. Иначе, если мы проиграем, плата будет слишком высока.

Глава 8

Андре

Какие гости! А главное, когда их не ждешь. Я не беспокоился, нет. Защита на башне не пропустит этого матерого волка, но он ведь не уйдет, пока не добьется своего. И что ему дома не сидится? У меня как раз не было настроения на душещипательные беседы. Наоборот, при виде герцога во мне начал подниматься гнев. А Вилли, кажется, едва сдерживался, чтобы не сбежать.

— Будь здесь, — приказал волчонку. — Я скоро вернусь.

— Ты же меня не выдашь? — побелевшими губами спросил Вилли.

— Думаю, он и так знает, что ты здесь. Но внутрь не пущу, не бойся. А осаду он нам в одиночку не устроит, кишка тонка. И потом у нас есть зеркала, а у него — нет.

— Это точно.

Вилли вздохнул и вытащил из кармана зеркальце с треснутой крышкой.

— Это что? — уставился я на него.

— Твой подарок, — ответил волчонок. — Ну, помнишь, тогда, в гимназии? Меня задело, и ты отдал мне зеркало.

— Не помню...

Я и правда не помнил. От того дня, когда шагнул в пустоту, в голове остался сплошной сумбур. Но зеркало узнал. Оно точно было моим, и защитные символы не стерлись, а сверху Вилли каким-то образом наложил другие, свои. Талантливый мальчишка! Хотя и заноза. А в ворота уже стучали. Да так громко, что было слышно даже в башне.

— А волк-то зол! — заметил я. — Неужели вслед за Филом пришел? Догадался? Наверняка, от одежды Филиппа пахнет тобой, потому что ты тут всюду бродишь.

— Возможно. Я и не подумал.

— Ладно, разберемся.

Я быстро спустился по лестнице и открыл дверь. Герцог в защиту не лез, маячил у ворот. Долговязый, с первой сединой в волосах — и хищным взглядом. Мне всегда не нравился этот тип. И зачем Анри понадобилось его спасать? Теперь вот проблемы.

— Здравствуйте, герцог Дареаль, — склонил голову больше для вида, чем по статусу. Мой титул сейчас был выше.

— Здравствуйте, магистр, — приветствовал он. И тоже — без фамилии, как и многие другие. Будто меня имени лишили. Злость усилилась. И на этот раз я не пытался ее притушить.

— Как поживаете? — спросил вежливо.

— Вашими мольбами, — ответил Дареаль.

— О нет! Если бы моими мольбами, жили вы бы плохо. А у вас семья, волчата. Так что точно не моими.

— Зубоскалите, месье Варне? — все-таки определился Дареаль. — Зубоскальте. Раз уж это все, что вам осталось.

Почувствовал, как вспыхнули щеки. От гнева, конечно, не от смущения. Приказал себе уgomониться. Можно, конечно, приложить герцога лицом в пыль, но тут Вилли, испугается за отца.

— Раз вы просто решили нанести визит вежливости, я пойду, — сказал Дареалю.

— Стоять! — рявкнул тот. — Где мой сын, магистр?

— Который из? Их, насколько я знаю, у вас двое. Если младший, то, скорее всего, дома, с няньками. Или ваша супруга — сторонница прогрессивных методов воспитания и растит ребенка сама?

— Ты договоришься. — Дареаль отбросил всякую вежливость.

— Или ты, — уже спокойнее ответил я. — Что, папаша, снова потерял волчонка? Меня не было пять лет, а традиции все те же. Печально...

— Лучше бы еще столько же не было!

— Согласен, лучше. Но Пустота оказалась несговорчивой и не разрешила мне остаться. Так как, продолжим обмен любезностями?

— Где Вилли?

— Вилли? — Я сделал задумчивое лицо. — Это такой белый волк с янтарными глазами? Как же, припоминаю...

— Не лги! От тебя им пахнет.

— Нос давно чистил?

Дареаль, казалось, был на грани оборота. Но я не боялся рассерженных волков. У моего коллеги профессора Синтера было забавное хобби. Он создавал иллюзии самых разных существ. Были среди них и оборотни, которыми Дерек любил пугать окружающих, меня в том числе. Так что навыки борьбы с подобными существами у меня были. А вот приходилось ли герцогу Дареалю сражаться с магами пустоты? Вот и проверим.

— Спрашиваю в последний раз. Где мой сын? — настаивал герцог.

— Он не хочет тебя видеть, — ответил я.

— Позови его, я буду разговаривать с ним.

— Нет, Дареаль. Разговаривать ты будешь со мной, потому что это — моя территория. И послушай-ка меня. Твой сын сбежал не потому, что он такой проблемный, а потому, что ты — плохой отец.

— Да как ты...

— Молчать! — рявкнул я. — У хороших родителей дети не бегут на край света, лишь бы их не видеть. У хороших родителей дети не чувствуют себя обделенными любовью. Какой вывод можно сделать? Ты не справился. Всего с одним

мальчишкой — не справился. Не смог. Хочешь, чтобы я его позвал? Я этого делать не стану. Потому что уверен: не пройдет и пары дней, как он снова сбежит. И что тогда, Дареаль? Никто не будет знать, где он. Пусть лучше остается здесь под моим присмотром.

— Рядом с тобой, Андре, Вилли останется только через мой труп, — ответил герцог.

— Если ты так настаиваешь...

— Не тебе учить меня жизни! Ты бы со своей разобрался, чудовище. Раз ты такой правильный, где же твоя семья?

Я снял защиту. Вот только она была — и вот уже нет. Позднее корил себя последними словами, но в тот момент голова отключилась, остались инстинкты. И они говорили, что этого волка неплохо бы отправить в пустоту, ему там понравится. Дареаль обернулся на глазах. Только что был человек — и вот уже волк, летящий в прыжке. Я поднял щиты и призвал магию. Мир стал туманно-серым, привычным и желанным.

— Не надо! — Вилли вынесся между нами, и волк затормозил всеми лапами, а я выругался и сбросил заклинание в землю.

— Ты идиот, волчонок? — крикнул ему. — Жить надоело?

— Не надо, Андре, — обернулся он. — Успокойся, папа. Я пойду с тобой.

— Уверен? — спросил я.

— Придержи язык, — рыкнул герцог. — Если бы не Вилли, я бы отправил тебя обратно в пустоту.

— Если бы не Вилли, ваша супруга не дождалась бы вас, герцог Дареаль. Но этот парень не заслуживает подобного, а пустота справедлива. Поэтому идите оба.

Я развернулся и пошел к башне. Воздух горчил на привкус. И чего взвился-то? Не я ли обещал себе забыть? Не я ли уничтожил все, что связывало меня с прошлым? Только прошлое никак не желало уходить из моей жизни. То Филипп, то Вилли. Зато сейчас я наконец-то был один. Можно было не притворяться, не лгать себе самому — и тем, кто был рядом. Я замер перед зеркалом, наблюдая, как герцог Дареаль и Вилли удаляются от башни. Герцог что-то высказывал сыну. Тот шел, опустив голову. Ни один так ничего и не понял. А я обернулся и увидел на столе забытый листок и огрызок карандаша. Еще раз взгляделся в собственное лицо глазами юного волчонка. Расслабился. Позволил Пустоте сбить меня с толку. Обрел иллюзию покоя. А стоило донестись одному неосторожному слову, и повел себя глупо. Разве герцог не прав? Разве я имею право его учить? Если сам не способен... Ты лишний, волчонок? Нет, это я всегда и всюду лишний. Даже здесь и сейчас. Хотя тут, наверное, действительно мое место. За серыми стенами башни, подальше от мира. Мира, который я ненавижу.

Поднялся, нашел стакан, вспомнил, что вина нет... Стакан полетел в стену и рассыпался на мелкие осколки. Кро-

шево. Такое же, как у меня внутри. Безумие подкралось совсем близко. Оно касалось холодком висков, дотрагивалось до сердца. Оно всегда было рядом. Протяни руку — и прикоснешься. Больно!

— Тише, — раздался мягкий голос Пустоты, и ее ладони легли на плечи. — Тише, мой мальчик. Это всего лишь начало, а ты уже сорвался. Разве так можно? Побереги себя. Не думай ни о ком другом. А я всегда буду рядом с тобой.

Я обернулся. Никого не было, только сизый туман стелился по полу. Пустота права. Нет смысла метаться из угла в угол. Я — пустышка. А когда внутри пусто, кому какое дело до мира в целом и людей в нем в частности?

Поднялся в спальню и уже собирался раздеваться, когда донесся истошный женский крик:

— Помогите!

А галлюцинации все ярче. Так мило.

— Помогите, умоляю!

Кто бы это ни кричал, им точно не ко мне. Там где-то недалеко герцог Дареаль, пусть поможет. Но район все-таки глухой, сюда мало кто забредает. Пойти посмотреть? Любопытство — это ведь нормально?

— А-а-а!

Я не выдержал. Призвал магию и шагнул сквозь зеркало к воротам. Теперь туда тоже был открыт переход, и маленькое зеркальце, спрятанное в траве, никто не заметит. Крик превратился в сип. Обострившийся слух уловил и его. Это

совсем недалеко, всего лишь за углом...

Нападавших было четверо. Они стояли над девушкой, лежавшей на земле. Она закрыла голову руками и шумно дышала, а они что-то выкрикивали. Из-за шума в ушах я едва слышал что. Не позволю! Как бы там ни было, не позволю!

Шаг — и четверка замерла, удивленно уставившись на меня.

— Эй, ты бы шел отсюда, парниша, — подал голос главарь. Его нетрудно было определить — трое других косились на него, ожидая приказа.

— А может, это вы бы шли? — предложил я, но уже знал, что ни одного не отпущу живым. Ни этого толстяка, который крепче сжал в руке нож. Ни худосочного, который держался за ремень брюк. Ни этого, без особых примет, кроме носа картошкой. И, конечно же, ни главного, глядящего на меня свысока.

— Он нарывается, Дарс, — мяукнул толстяк. Это было последнее, что он произнес в своей жизни. Рывок пустоты — и он осел на землю, захлебываясь кровью. Еще рывок — и худосочный засипел, хватаясь за горло. Но трудно дышать, когда внутри бушует пустота. Третий просто упал замертво, а вот главаря я оставил напоследок. Приподнял выше крыши ближайшего дома и сбросил вниз. Пустота взметнулась — и слизала все четыре тела. Даже если главарь и выжил, теперь его ждать не стоит.

Я же склонился над девушкой. Она мелко вздрагивала и

тихо плакала.

— Спокойно, вам больше никто не угрожает, — сказал я.
— Их больше нет.

Но моя находка продолжала всхлипывать, не открывая глаз. Пришлось похлопать ее по плечу. Она вскрикнула и отшатнулась, пытаясь поправить платье, сползшее с плеча. Обычная девчонка лет двадцати с большими карими глазами, которые сейчас покраснели от слез.

— Подняться можете? — спросил я.

Она неуверенно кивнула и огляделась по сторонам.

— А где... — прошептала едва слышно.

— Покинули нас, — ответил я. — У них нашлись неотложные дела.

— Поможете встать?

Может, не надо было спасать? Но думать было поздно. Пришлось протянуть девчонке руку и рывком поднять на ноги. Она пошатывалась, как былинка, обхватила себя руками и снова тихонько заплакала.

— Где вы живете? — спросил я.

— Нигде, — сквозь слезы ответила она. — Проводите меня в башню пустоты, пожалуйста. Это ведь недалеко?

— За углом. — Я сделал шаг назад. Подозрительно! Зачем этой девице ко мне? Может, я не так понял ситуацию? Хотя куда уж яснее...

— Там опасно, — постарался образумить негаданную гостью. — Давайте я лучше проведу вас домой.

— Меня там ждут! — Девчонка закрыла лицо руками.

— Если пойду с вами, ждать больше не будут.

— Но придут другие. Пожалуйста, просто укажите, куда идти. Туда?

Она верно указала направление, и я кивнул. Девушка про-
бормотала слова благодарности и зашагала к башне. Я на-
блюдал, как она подходит к воротам и начинает стучать в
них, как пытается войти — я ведь их не запер, но защита не
пропустила. Как робко пытается позвать магистра.

— Неужели его нет? — обернулась ко мне.

— Нет, — пожал я плечами. — Разве не очевидно? При-
ходите завтра, уважаемая. Возможно, вам повезет больше. А
теперь извините, вам стоит уйти.

— Ни за что! — вскрикнула она. — Я сяду и буду ждать
магистра прямо здесь. Рано или поздно он придет.

И девчонка попыталась усесться прямо в пыль. Я перехва-
тил ее за локоть и заставил остаться на ногах.

— Нет необходимости, — сказал угрюмо. — Магистр пу-
стоты — это я.

Глава 9

Андре

— Вы? — Девчонка взглянула на меня огромными от
удивления глазами — а затем сделала то, чего я меньше все-
го от нее ожидал. Звонко рассмеялась.

— Что смешного? — К такой реакции на свою персону я не привык.

— Вы ведь шутите, да? Как вы можете быть магистром? Такой молодой.

— Вообще-то, в магистрате нет ограничений по возрасту, — прошипел я, вдруг устыдившись своих неполных двадцати семи. — А раз не верите, право ваше. Значит, у вас ко мне дел нет. Прощайте, мадемуазель.

— Стойте! — Она сжала мои ладони, и я отшатнулся назад, едва сдерживаясь, чтобы не спрятать руки за спину. Ненавижу! Ненавижу, когда касаются без разрешения. За это можно и заклинанием в лоб получить.

— Простите. — Она опустила голову. — Я не хотела вас обидеть, магистр...

— Вейран.

— Магистр Вейран.

Если она сейчас спросит, не родственник ли я магистру света или его папаше, провалюсь сквозь землю! Но не спросила.

— Спасибо, что спасли меня. — И девушка улыбнулась сквозь слезы.

— Я не собирался вас спасать, мадемуазель. Но вы находитесь на моей территории, и ваши крики мешали мне сосредоточиться.

Незнакомка снова уставилась на меня огромными глазами, словно пытаясь понять, шучу или нет. Так вот, я не шу-

тил! Наоборот, редко когда бывал настолько серьезен. Действительно помешала. Потому что теперь вариант «лечь и уснуть» придется отменить.

— Простите...

— Вы повторяетесь, — поморщился я.

— Что?

— Говорю, вы повторяетесь. Снова просите прощения. Ладно, давайте покончим с лирическим отступлением и перейдем к делу. У вас есть десять минут, чтобы объяснить, зачем я вам понадобился. Ровно через указанное время я перестану вас слушать и вернусь в башню. Ваши десять минут начались.

— Магистр Вейран! — В глазах девушки снова заблестели слезы. — Прошу, помогите! Меня хотят убить.

— Не вижу логики в вашей просьбе. Если вас хотят убить, мадемуазель, вам стоит обратиться к законникам или, на худой конец, в тайную службу, но никак не ко мне. Пустота не решает подобных проблем.

— Я... прошу справедливости Пустоты.

— Что? — Я уставился на нее.

— Я прошу справедливости Пустоты. Семья моего жениха обвиняет меня в его смерти. Мне нужно доказать свою невиновность, но их влияние в городе слишком велико! Меня никто и слушать не станет. Пожалуйста, позвольте мне войти во врата.

— Еще чего, — фыркнул я. — И не подумаю. Давайте

предписание суда, мадемуазель. Тогда поговорим. Пустота не любит взбалмошных девиц.

— Пожалуйста, магистр Вейран!

Она снова грозилась заплакать, а я глядел на нее и не понимал, чего она добивается. Пустить девчонку в пустоту? Она умрет. Там гибли и куда более сильные. Не проще ли нанять хорошего законника, провести расследование и найти убийцу?

— Давайте я провожу вас в светлый магистрат, — мелькнула идея. — Магистр света сумеет разобраться с вашими проблемами.

— Нет! — вскрикнула девушка. — Там мне тоже не будут рады. Я боюсь! Вы же видели, они нашли меня, они повсюду.

И все-таки заревела. Уйти? Да, пожалуй. Но не оставлять же глупышку одну на улице. А девочка упала на колени и закрыла лицо руками. Ее плечи судорожно вздрагивали. Надо, наверное, дать ей успокоиться и поговорить серьезно. Объяснить, что у нее нет шансов. И даже если Пустота примет ее, последствия будут необратимыми. Но разговаривать, пока она рыдает, бесполезно. Поэтому рывком поставил темноволосую проблему на ноги и подтолкнул к воротам.

— Входите, мадемуазель. Кстати, как ваше имя?

— Надин. Меня зовут Надин Альтер.

Надин, значит?

— Сюда. — Под локоток потащил ее к башне. Усилю на ночь защиту. Пусть посидит, подумает. Может, к утру сама

угомонится.

Где бы ее оставить? В личное пространство я пускать посторонних не собирался, поэтому остановился на втором этаже. Здесь находились те комнаты, которые были приемными у магистра Эйлеана. Гостиная и кабинет. На диванчике в гостиной вполне можно спать.

— Тут так мрачно, — прошептала Надин, оглядываясь по сторонам. — А кто здесь живет?

— Здесь никто не живет, — ответил я. — Немного пыльно, но уж потерпите. Попрошу до утра из комнаты не выходить, иначе последствия будут крайне плачевными. Уборная налево. Воды принесу. Диван ваш.

— Спасибо, магистр Вейран.

Я отмахнулся и пошел за графином с водой и стаканом, предварительно кинув незаметное заклинание, чтобы предупредило меня, если Надин рискнет послушаться и покинуть комнату. Но когда вернулся, она сидела на диванчике, уже вытерев с лица потеки слез. Когда не рыдала, она была даже хорошенькой. Не куколкой, которую можно переломить двумя пальцами, а достаточно стройной и статной. Копна каштановых волос рассыпалась по плечам, прикрывая порванное платье. Но какой бы приятной не была внешность Надин, я хотел одного — как можно скорее выставить ее за ворота.

— Что-то не так, магистр Вейран?

— Андре, — поправил ее. — Лучше зовите меня Андре. Все так, мадемуазель Альтер.

— Тогда тоже лучше Надин. Вы снова помогаете, мне так неловко.

Девушка отвела взгляд. Не простого сословия, это точно. Ручки маленькие, холеные. Один ноготь недавно был сломан — может, не первая встреча с разбойниками? Но видно, что к ручному труду не привыкла. Значит, знатная дама. А что знатная дама могла забыть в башне пустоты? То-то же, ничего!

— Спокойной ночи, — сказал я. — Поговорим утром, если вы не оставите свою глупую затею. А сейчас умывайтесь и ложитесь спать. Вода, правда, только холодная, но уж какая есть.

И пошел прочь. Обернулся только на пороге, чтобы сказать:

— Помните, один шаг за дверь этой комнаты на лестницу — и я не ручаюсь за вашу сохранность.

Обвешал дверь всяческими заклинаниями, прислушиваясь, что происходит за ней. Пару раз слышались шаги, затем все стихло, и я поднялся наверх. О том, чтобы лечь спать, теперь и речи не было. Сложно уснуть, когда голова готова взорваться. Вместо этого я достал визор и написал Филиппу: «Завтра не приходи, занят».

Завтра надо будет куда-то деть девчонку, а пока что стоит немного потренироваться в магии пустоты. Она давалась чуть сложнее зеркальной, но постепенно становилась такой же привычной и правильной, как и та, другая. Стру-

илаась сквозь пальцы, позволяла испытывать новые заклинания. Надо наведаться в библиотеку «Черной звезды», поискать новые книги. Возможно, Рейдес пополнил библиотечный фонд? А пока что я пробовал выстраивать коридоры в пространстве, как Филипп. Получалось скверно. Ну и он ведь не сразу научился. Вошел в очередной кривой коридор — и раньше, чем вышел, ощутил колебание пространства. Сказал же этой дурехе не покидать комнату! Быстро оборвал плетение пустоты и почти бегом слетел вниз. Дверь была закрыта... Открыл ее — и натолкнулся на безжизненное тело Надин на полу. Это еще что? Провел руками вдоль тела, пытаясь понять, каким из моих заклинаний ее задело. Ничего! Только темные сгустки боли.

Подхватил девушку на руки и осторожно опустил на диван. Взял со стола графин с водой и побрызгал ей в лицо. Ну же, открывай глаза!

— Месье магистр? — дрогнули длинные ресницы. — Что произошло?

— Это я должен спросить у вас, мадемуазель. Я нашел вас без сознания на полу.

— Мне внезапно стало дурно, — чуть слышно ответила Надин. — Я хотела позвать вас на помощь, но не смогла.

— Лежите, я позову целителя.

— Не надо! — перехватила она мою руку. — Не надо, это от нервов, пройдет.

Я коснулся ее лба кончиками пальцев. Она вся горела. Как

же без целителя? Надо написать Филиппу, пусть попросит мадам Полину взглянуть на Надин. Жена светлого магистра заслуживала хотя бы толики доверия, и она не откажет, помню, как в свое время помогла мне.

— Я сейчас вернусь, — снова попытался подняться.

— Не уходите, пожалуйста. — Глаза Надин снова наполнились слезами. И вот что с ней делать? Ну почему? Почему при наличии светлой магии я не могу исцелять? Это решило бы множество проблем, но, увы, магия исцеления требовала внутренней чистоты и любви к людям. Во мне не было ни того, ни другого, поэтому максимум, на что я был способен — слегка обезболить и остановить кровь, как темные маги.

— Придет целитель, и вам станет легче, — настаивал я.

— Он выдаст меня... Нельзя...

Кажется, девушка бредила. Ее слова казались бессвязным лепетом, поэтому я снял с цепочки визор и написал на обрывке какого-то листка:

«Нужна помощь целителя. Сможешь — сам, нет — захвати Полли».

Стоит ли упоминать, что не прошло и десяти минут, как брат стоял у ворот? Один. Видимо, решил, что его навыков хватит. Или же мадам Полина занята? Ночь на дворе. Муж, наверное, дома. Фил быстро поднялся по ступенькам — я встретил его у двери.

— Что? — кинулся ко мне. — Ты ранен? Кто-то напал?

— Нет, тише, — остановил его. — У меня появилась маленькая проблемка. Взглянешь?

— Какая? — Филипп изучал меня взглядом, видимо, стараясь найти проблемку, а я подтолкнул его к двери гостиной. Он вошел — и замер, я едва не врезался в его спину.

— У тебя есть дама сердца? — уставился на меня огромными глазами.

— Да нет же! — Я едва не вспыхнул от возмущения. — Кто сказал, что она — моя дама сердца? Я спас ее сегодня. Но, видимо, от нервов девушке стало дурно. У нее жар.

— Хорошо, давай попробую.

Филипп подошел к дивану. Надин не шевелилась. Она тяжело дышала, на лбу выступили капельки пота. Фил провел ладонями вдоль ее тела, отыскивая, что вызвало жар. А затем нахмурился и закусил губу.

— Это не болезнь, Андре, — сказал он.

— А что тогда?

— Иди сюда.

Мне пришлось подойти к дивану. Фил указал на место чуть ниже груди. Я занес над ним ладонь и сосредоточился. Щиты... Откуда тут щиты? Нырнул магией глубже — и ощутил черную пульсирующую точку. Проклятие.

— Нанесено около пяти часов назад, — оценил я. — Значит, девчонка не лгала, и за ней действительно кто-то охотится. Поможешь снять?

— Да, давай попробуем.

Проклятие было достаточно сложным, но, к счастью, замедленного действия, и у нас было время. Филипп стабилизировал состояние Надин, пока я подцепил черные нити заклинания. Ну и намешал кто-то! Распутать бы. Видимо, у девчонки могущественные враги. Осторожно потянул за одну ниточку, затем за другую. Вроде бы получается. Еще немного!

Раздался хлопок, и светлая магия Фила погасила дымок от проклятия.

— Теперь она просто спит, — сказал брат. — Советую какое-то время не тревожить, пока организм восстановится.

— Какое-то — это какое? — уточнил я.

— Дня три-четыре. Все зависит от нее самой.

— Не собираюсь терпеть ее в башне! Может, заберешь с собой?

— И что я семье скажу? — взвился Фил. — Сразу признаться, где пропадаю, чтобы они меня из дома не выпустили?

— Стыдишься? — нахмурился я, и ледяная игла кольнула внутри.

— Нет, конечно, — отмахнулся брат. — Скажешь тоже. О каком стыде может идти речь? Но папа и Анри никогда никого не слышат, кроме себя самих. И сам понимаешь, как они отнесутся к новости о нашем общении. Я им расскажу, конечно, но позднее, когда они свыкнутся с мыслью о твоём

возвращении, хорошо?

В словах Филиппа была логика, но слышать их было неприятно. Еще неприятнее осознавать, что придется оставить девчонку здесь. Я не любил посторонних, они не любили меня. И ее просьба пустить во врата...

— Ладно, вопрос исчерпан, — сказал я брату. — Прости, что побеспокоил, и спасибо за помощь.

— Ты что, обиделся? — вздохнул он.

— Нет. С чего ты взял?

— У тебя взгляд изменился. Не обижайся, Андре. Я не хотел тебя задеть. И скрывать нашу дружбу не стану. Только дай мне время.

— Не надо никому ничего говорить, Фил. Чем меньше они знают, тем лучше, ты прав. Ни граф Виктор, ни Анри не будут счастливы от таких новостей. Увидимся завтра. Или послезавтра. Как у тебя получится.

Фил мне не поверил. Хотел было сказать что-то еще, но не стал. Наверное, решил, что не услышу. Похоже, я недалеко ушел от его близких.

— До завтра, — ответил он. — Я вечером загляну.

И скрылся за дверью. Я по привычке послал за ним теневого шпиона, а сам склонился над Надин. Ей действительно стало лучше. Дыхание перестало быть тяжелым, выровнялось, на щеках появился легкий румянец. Вот только количество проблем от девчонки не уменьшилось. Может, ей станет лучше и раньше? Остаться ночевать здесь?

Я покосился на кресло. Принесу книги, посижу до утра. Какая разница, где работать? Когда вернулся, Надин сменила позу и спала, забавно подложив ладони под щеку. Ладно, три дня потерплю. Никто же не заставляет сидеть с ней день и ночь.

Разложил на столе книги, достал листы для записей. Отыскал интересное заклинание и начал выводить формулы. Заклинание было темным, а я хотел преобразовать его в зеркальное. Чтобы не только видеть изображение, но и слышать, что говорят по ту сторону зеркала. Пока мне это так и не удалось, приходилось читать по губам, а это не всегда получалось. Но я стал старше, сильнее и приобрел новый вид магии. Надеюсь, теперь-то получится? Линии схемы ложились ровно, черточка за черточкой. Завтра опробую на практике, внесу коррективы. И если будет прогресс, значит, нахожусь на правильном пути. Так за столом и уснул...

Глава 10

Филипп

Да, тяжелая выдалась ночка! Я спустился к завтраку, отчаянно зевая. Все-таки на исцеление уходило много сил. Учтивая, что это была немного не моя специфика, в светлой магии мне больше давались защитные заклинания. Однако светлый маг, который не умеет исцелять — это нонсенс, и я усиленно тренировался. Зато с помощью привычных мето-

дик удалось вычислить проклятие и помочь девушке. Странно, что Андре вообще пустил эту девицу на порог. Пожалел? Сказал, что спас... Но представить брата, спасающего юных дев, было невозможно. Скорее, он представлялся в виде кроважадного дракона, который их похищает. Главное, чтобы Андре не узнал о таких сравнениях. Он и без того вчера обиделся. Я старался подбирать слова, но не всегда выходило. Он запросто вспыхивал как спичка — а в бытность профессором Айденсом казался куда спокойнее. Видимо, хорошо играл свою роль. Меня после полудня тоже ждала гимназия. Со дня на день должны были начаться экзамены для перехода на ступень, и студентам требовалось все больше практики по защитной магии. Темной, конечно, не светлой, да только какая разница? Я уже сам с трудом отличал, какую из трех сил использую — после тренировок с Андре они накрепко переплелись.

В столовой, к моему удивлению, собралась вся семья — даже Анри восседал рядом с Полли и держал на руках дочь, которая из него веревки вила.

— По какому поводу праздник? — спросил у него.

— Выходной, — ответил светлый магистр, а я едва не сделал знак, отвращающий беду. Анри и выходные — вещи несовместимые.

— Обещал провести время с нами, — с легкой улыбкой ответила Полли. Видимо, ей была известна причина, по которой любимый муж отодвинул рабочие дела.

Родителей же ничуть не удивляло, что старший сын не ушел еще до рассвета. Зато мама украдкой сделала знак прислуге, чтобы Анри дали большую порцию десерта. Как коварно! Мне пару дней не появляться, что ли? Но, конечно, я шутил.

После завтрака мы с Полли и Анри перебрались в гостиную. Я возился с племянниками — они никак не могли поделить две абсолютно одинаковых коробки карандашей. Анри рассказывал о делах в магистрате.

— В целом пока что все спокойно, — говорил брат. — В городе тишина. Роберт считает, это затишье перед бурей.

— Ну почему не предположить, что все просто хорошо? — спросила Полли.

— Потому что так не бывает. — Анри, как всегда, был полон оптимизма. — Особенно учитывая присутствие одного нежелательного господина. Что-то он подозрительно тих.

— А Андре-то тут при чем? — не выдержал я.

Анри посмотрел на меня как-то странно, но все-таки промолчал. Увы, все разговоры в нашем доме в последние дни сводились к одному — Андре. Чем он так всем мешает, я не понимал, учитывая, что Андре и носа из своего района не показывал. Да, у него была крайне опасная магия. Да, взгляд на мир у него тоже странный. А у кого нет? Тот же Анри иногда становится до жути подозрительным, а папа и вовсе упрям, как баран! Хоть и отец... Насчет себя, конечно, не скажу — себя не видно, но и у меня было множество недо-

статков. Да, я не пытался устроить государственный переворот, но если верить Пустоте, это только дело времени. Королевский венец пылился в одном из тайников дома. Я никогда его не доставал, только проверял, на месте ли он. На этом мои мысли о возможном принятии власти заканчивались.

Отворилась дверь, и на пороге появился наш верный слуга Жерар.

— Молодой хозяин, — обратился он к Анри, — герцог Этьен Дареаль просит встречи с вами и мадам Полиной.

— Проси, — кивнул Анри и тут же нахмурился. Сделал знак, и нянька увела детей. Да уж, при серьезных разговорах малышам лучше не присутствовать.

Этьен вошел в гостиную не один. За ним, понутив голову, плелся Вилли. Нашелся!

— Доброе утро, — кивнул Этьен. — Простите, что беспокою, но решил, что о своем возвращении Вилли лучше сообщит вам лично.

И строго взглянул на сына. На том лица не было. Видимо, папа успел высказать все, что думает о его выходке. И слова были не лестными.

— Доброе утро. — Голос Вилли слегка сипел. — Я пришел извиниться, что доставил вам беспокойство.

— Беспокойство? — громыхнул Этьен. — Да тебя уже несколько недель ищет весь светлый магистрат!

— Не преувеличивайте, герцог, — вмешался Анри. — Я всего лишь попросил моих людей быть бдительнее и обра-

тить внимание на белых волков и беспризорных мальчишек подобного типа внешности. Где ты был, волчок?

Вилли промолчал. Он, казалось, и вовсе не знает, куда деть глаза. Зато за сына прекрасно справился Этьен:

— В том-то и дело! Мой сын обосновался в башне пустоты и сдружился с вашим родственником. Настолько, что магистр пустоты едва не попытался на меня напасть.

— Неправда! — вскинул голову Вилли. — Ты первый его задел.

— Молчать! Тебя не спрашивали. Это я начал бой? Нет. Да я бы и не нашел тебя, если бы не почувствовал твой запах на плаще Филиппа.

Брат и Полли, ошеломленные речью герцога, обернулись ко мне, а я уставился на Вилли. Неужели? Неужели он все это время был там? Видел, как мы тренируемся с Андре? И даже не вышел?

— Филипп, ничего не хочешь нам сказать? — с показной мягкостью спросил Анри.

— А что такого? Андре занимается со мной зеркальной магией. Я сам его попросил, потому что в книгах нет и половины заклинаний, которые ему известны.

— С тобой мы поговорим после.

Многообещающий ответ... Чувствую, говорить мы будем долго. Главное, чтобы без присутствия отца. Ему ведь не докажешь, что мне уже двадцать два, и я сам принимаю решения.

— И что ты забыл в башне пустоты, волчок? — обернулся Анри к Вилли, на время оставив меня в покое.

Полли пока не вымолвила ни слова, но она так отчаянно комкала кружевной платок, что было понятно, как тяжело ей дается молчание.

— Там бы меня никто не стал искать, — опустил голову Вилли.

— Вот чем ты думал? — Видимо, Этьен пошел на новый круг взывания к совести сына. — Ты хоть представляешь, как мы волновались? Я до столицы добирался почти пешком, обыскивал каждый город, каждую захудалую деревеньку, чтобы только тебя найти. Разве можно быть таким глупым и безответственным?

— Хватит! — зазвенел голос Вилли. — Зачем ты меня унижаешь при всех?

— Чем это я тебя унизил? Правдой?

Голубые глаза Вильяма наполнились слезами. Одинокая капелька скользнула по щеке.

— Этьен, ты что? — не выдержала Полли, кинулась к любимому ученику, пусть и бывшему, и крепко обняла. Вилли тоже перестал сдерживаться. Его плечи задрожали. Он спрята лицо на плече у Полли, а она гладила его по растрепанным волосам.

— Жалеете? — посуровел герцог. — А мне вот жалеть его совсем не хочется. Можно подумать, у меня других дел нет...

— Конечно! — резко развернулся Вилли. — У тебя всегда: дела, дела, дела. Здесь были — дела, там — дела. С тобой даже поговорить нельзя, потому что ты вечно занят!

— Неправда! Я всегда готов...

— Когда? Когда ты в последний раз спросил меня о чем-то большем, чем как прошел день. Да и ответ мой почти не слушал. Я — не пустое место, папа!

И кинулся куда-то вглубь дома. Судя по хлопку двери, на мою половину.

— Этьен, ты неправ! — Мигом посуровело лицо Полины. — Он же ребенок. У него сложный возраст, а ты давишь на него.

— А что бы ты сказала своим детям, Полли, если бы они, ни слова не сказав, умчались на край света?

Полина вздохнула. Спорить с герцогом Дареалем в гневе было так же бесполезно, как и с моим отцом. Ощущение, будто говоришь со стеной.

— Успокойся, — сказала она. — Пусть Вилли пока побудет у нас, хорошо? Вам обоим надо придти в себя. Чаю выпьешь?

— К демонам чай. Мы уходим домой.

— А давайте мы сами проводим Вилли домой, герцог, — предложил Анри. — Скажем, часов в шесть. Обещаю, что присмотрю за ним.

Дареаль сомневался. Затем ответил:

— Я бы оставил, граф Вейран, если бы он не натворил та-

ких бед. Не стоит потакать детям, каким бы сложным не был их возраст. Иначе в следующий раз я найду его не в башне пустоты, а где-нибудь еще дальше, если вообще найду. Пойду за ним.

— Я и так уже здесь, — отворилась дверь, и на пороге появился Вилли. Я даже не слышал, как он вернулся! Менял ипостась? Но сейчас Вильям выглядел пусть зареванным, но спокойным. — И знаешь что, папочка, Андре советовал мне поговорить с тобой по душам, объяснить. А теперь могу сказать — более глупого совета я не слышал. И вообще...

Анри в последний момент успел ухватить Вилли до того, как он сбежал в пустоту.

— Пусти! — взвыл волчонок.

— Не пущу! — Брат держал крепко. — Ты что задумал?

— Не хочу домой! Не пойду! Хватит!

— Успокойся! — рывкнул брат, и Вилли застыл, а Анри продолжил совсем безмятежно, будто не он только что кричал. — Говорю вам, герцог Дареаль, отдохните несколько часов от присутствия сына. А еще лучше мы вернем его завтра. Правда, Полли?

— Да, конечно, — поддержала его жена. — Мы так давно не виделись. Пожалуйста, Этьен!

— Хорошо, — сдался непреклонный герцог. — Но только пусть попробует еще что-то сотворить!

Сам Вилли молчал. Молчал он и тогда, когда отец попрощался и скрылся за дверью, а затем сел рядышком с Полли

и замер.

— Ну и что за представление ты устроил, волчок? — Анри потрепал его по плечу. — Довел герцога до холодной ярости. Это редко кому удавалось.

— Не могу больше с ним разговаривать. — Вилли встряхнул головой, как настоящий волк. — Поучает, поучает. Сам хорош! Как еще Айшу с детьми сюда не притащил? Чтобы и перед ними рассказать, какой я плохой.

— Он беспокоится, милый. — Полли погладила его по плечу. — И не знает, как выразить свое беспокойство, чтобы ты услышал.

— Расстройством слуха не страдаю! — рыкнул Вилли. Да, волчонок вырос и превратился в крайне вредного волка. А может, Полли права, и это возраст такой? Свои шестнадцать-семнадцать я вспоминать не любил... Но не из-за возраста, поэтому и не мог в полной мере оценить, насколько все может быть серьезно.

— Почему просто не пришел к нам? — спросил Анри. — Зачем было лезть к пустоте?

— Так вы бы сразу папе рассказали, где я!

— Лучше, чтобы он тебя искал по всей столице? А если бы это отец пропал? Ушел из дома — и не вернулся?

Вилли нахмурился и замолчал. Да, Анри умел подобрать слова, когда хотел. Зато со мной вряд ли будет церемониться по поводу занятий с Андре. Может, это мне придется перебираться к герцогу Дареалу? Обмен.

— Помнишь, что произошло пять лет назад? — продолжал брат. — Когда ты был достаточно неосторожен, и из-за этого пострадал твой папа. Неужели забыл?

— Нет, — чуть слышно ответил Вилли.

— То-то же. Зачем тогда ссориться? Решил вернуться в столицу — надо было просто прийти к нам. Я бы взял герцога Дареаля на себя. Глядишь, и уговорил бы оставить. А теперь он любое предложение воспримет в штыки. Разве это правильно, Вилли?

— Прости. — Волчонок опять подозрительно хлюпнул носом. — Я не подумал. Но если он продолжит, я все равно уйду!

— Ты что, малыш? — обняла его Полли. — У тебя есть семья, есть мы. Не выдумывай. Идем со мной. Познакомлю тебя с моей детворой.

Вилли не возражал, даже немного оживился и поспешил за Полли, а мы остались с Анри. Взгляд брата мигом посу ровел.

— Я жду объяснений.

В этом был весь Анри. Я сразу почувствовал себя, как на суде. Захотелось признаться во всем, даже в том, чего не совершал. Покаяться, попросить прощения. Но я же не волчонок-подросток, а взрослый человек.

— Я пришел к Андре сразу после того, как он вернулся, — начал с того, о чем брат уже знал. — И вспомнил, что он, вообще-то, профессор зеркальной магии, а меня никто дру-

гой ей не научит. Поначалу Андре не горел желанием меня учить, но потом согласился, и я навещаю его для тренировок.

— Почему не сказал? — так же сурово спросил Анри.

— Ты был бы против.

— А ты так боялся моих запретов!

— Твоих — нет.

Но были еще отцовские, а с отцом я спорить не желал. И расстраивать его лишний раз — тоже. Анри рано или поздно меня поймет, а вот папа...

— И что можешь сказать? Что он теперь собой представляет?

— Андре успокоился, — пожал я плечами. — Его устраивает башня, тренировки и минимум общения с внешним миром. Мне его, конечно, в этом не понять, но если ему так уютно, то и вмешиваться не стоит.

— Главное, чтобы потом снова не пришлось отлавливать, — нахмурился брат. — А еще меня не устраивает, что я не могу заставить его посещать магистрат. Ведь не случайно у нас три магистра. Чтобы можно было провести голосование, принять правильное решение.

— И ты готов видеть Андре в магистрате? — удивился я.

— Раз его выбрала Пустота, почему нет? Все равно придется договариваться. И все-таки мне бы хотелось, чтобы ты поменьше посещал башню, Фил. Этому человеку нельзя доверять.

— Я знаю, Анри. И я осторожен.

Брат кивнул. По-видимому, мой ответ устроил его. А я ожидал от этого разговора худшего...

— Не проговоришься отцу, он будет в ярости, — заметил Анри. — Не то у него здоровье, чтобы так нервничать.

— Я и сам понимаю.

— Тогда держи меня в курсе дел. И намекни своему... преподавателю насчет магистрата. Проблемы сами собой не решатся. А бегать за ним за подписью я не стану.

— Передам, — пообещал брату, чувствуя, как становится легче. Анри всегда умел меня понять. И хорошо, что он не против самого существования Андре, как было пять лет назад. Потому что братьев у меня было двое, и ни одного из них я не хотел терять.

Глава 11

Андре

Я проснулся на рассвете. От неудобного положения все тело затекло, а зеркало отразило помятую физиономию с отпечатком листа на щеке. Наверное, надо больше спать, потому что до этого проваливаться в сон за столом мне не приходилось.

Тихонько подошел к дивану, чтобы не побеспокоить больную. Надин еще не открывала глаз. Она дышала ровно и спокойно. Коснулся лба — жар ушел. Все-таки молодец Филипп. Жаль, что мне самому так и не далась магия исцеле-

ния. Она бы мне пригодилась. Но, увы, что не дано, то не дано.

Надин глубоко вздохнула, потянулась — и поморщилась. Наверное, все еще чувствует себя недостаточно хорошо.

— Доброе утро, — взглянула на меня и улыбнулась. — Простите, кажется, вчера я доставила вам беспокойство.

— Конечно, — угрюмо кивнул я. — Впрочем, это не ваша вина, а того, кто вас проклял. Можете сказать ему спасибо. А пока что выздоравливайте. Целитель рекомендовал вам пару дней больше отдыхать. Можете остаться здесь, я эту комнату все равно не использую. Наверх подниматься не советую, там защита настроена исключительно на меня, вас размажет по стенке.

Глаза Надин округлились. Но я не собирался играть в вежливость. А если уж честно, меня крайне тяготило ее присутствие. Посторонний человек, которого я совсем не знаю... На вид она казалась безобидной, но я давно научился не доверять внешности. Что такое внешность? Картинка. Фасад, за которым может скрываться все что угодно.

— Я не буду подниматься без разрешения, — пообещала она. — Простите, Андре, я не хотела, чтобы все так вышло. Но эти люди...

Кажется, девица готовилась заплакать. Я развернулся и пошел прочь. Проплачется — уgomонится. А у меня было много дел. Утренняя тренировка, завтрак, небольшая прогулка за продуктами — они постепенно подходили к концу.

И может, лавочник достал для меня новые зеркала? Через защиту эта девчонка не пройдет. Без моего разрешения даже на улицу не выйдет. Так что пусть лежит. Сделаю вид, что ее здесь нет.

С этими мыслями я набросил дополнительную защиту и вышел на улицу. Летом тренироваться на свежем воздухе было легко и приятно. Ветер охлаждал разгоряченное магией тело, прохладный утренний воздух пьянил, и жизнь казалась не такой уж скверной. Поэтому я призвал магию — на этот раз пустоты, чтобы отработать эти демоновы переходы хотя бы на близкое расстояние.

На ближайший час я забыл обо всем на свете. Открывал переход в одной точке и то успешно, то не очень пытался оказаться в другой. А остановился от ощущения чужого взгляда, будто кто-то скрытно за мной наблюдал. Поднял голову — и заметил Надин, мелькнувшую в окне. Значит, не так плохо себя чувствует, раз поднялась с дивана. Еще немного поупражнялся, затем поднялся по лестнице, на миг задержавшись у двери отведенной девушке комнаты. Подумал — и открыл ее. Надин внутри не было, но из уборной слышался плеск воды. Значит, умывается. Мелькнула мысль пригласить гостью к столу, но мне больше нравилось завтракать в одиночестве. Лучше, когда буду спускаться обратно, захвачу что-нибудь для нее. Правда, завтрак был нехитрым. Сначала поджечь кристаллы, затем накрыть их тонкой пластиной из особого материала — и можно сварить яйцо. Два, учитывая

постороннюю в башне. Под заклинанием охлаждения хранилась ветчина. Достал последний ломоть хлеба, разломил надвое, быстро позавтракал сам, а порцию Надин взял с собой.

Распахнул дверь. Девушка охнула и схватила с диванчика покрывало, прикрываясь. Неловко вышло...

— Да не смотрю я, — буркнул ей, оставил тарелку на столе и вышел из комнаты. Хотя, конечно, не удержался взглянуть. Девушка как девушка, лишних ног и рук не замечено. Кажется, она что-то крикнула вслед, но я уже не слышал, а шел по направлению к ближайшим улицам. Удача мне благоволила — и запасы пополнил быстро, и обзавелся пятью новыми зеркалами. Уменьшил их, чтобы можно было беспрепятственно донести до башни, и пошел обратно.

На этот раз заглядывать к временной постоялице не стал. Будь ей плохо, защита бы дала знать. Но заклинания молчали, и я занялся своими делами — выложил мясо и птицу под заклинание холода, туда же отправил молоко. Затем поднялся в верхний зал и положил перед собой первое зеркало...

Защита всколыхнулась так неожиданно, что я едва не расколотил свое приобретение. Кому там жить надоело? Кандидатка была только одна, и я слетел по лестнице. Надин сидела на ступеньке, закрыв лицо руками.

— Я же предупреждал! — гаркнул на нее.

— Я... хотела позвать вас... — прошептала она. — И не вышло. У меня что-то кружится голова. Может...

— Еще раз повторяю, я — не целитель. А чтобы не кру-

жилась голова, надо после проклятия лечь и лежать.

— Боюсь, я не смогу подняться.

И она беспомощно взглянула на меня. Рывком поставил ее на ноги и распахнул дверь комнаты.

— Ложитесь и лежите, — приказал строго. — Иначе в следующий раз свалитесь с лестницы и свернете себе шею.

— Мне так страшно. Побудьте со мной.

— Я занят, — ответил резко. — В башне вам бояться нечего. Постарайтесь уснуть.

И пошел прочь. Мне не нравилась эта девушка! Она казалась странной. И вела себя странно. И... меня злил сам факт ее присутствия в башне!

Вот я и делал вид, что ее нет. Занимался своими делами, общался с пустотой, но что-то на грани сознания тревожило и мучило. Некий маячок, который мешал работать. «Чужая, чужая» — мигал маячок, и вместо того, чтобы сосредоточиться, я нервничал и срывался. Мне никогда не было комфортно с людьми. Ладно, допустим, не совсем никогда, но лет с десяти — точно. До десяти я как-то пытался общаться, искал друзей, но бабушка быстро отваживала тех, кто рисковал со мной играть. В ее понимании идеальный внук — это тихое и забитое существо, которого не слышно и не видно. И постепенно она пыталась перекроить меня под свои представления о «прекрасном», но не вышло. Я оказался сильнее. Вот только общаться хоть с кем-то расхотелось. Затем жизнь только укрепила меня в решении, что привя-

занности — это слабость. Пока ты отвечаешь лишь за себя, ты силен. Как только список расширится, можно подставлять грудь для удара.

Поэтому меня и тревожило присутствие Надин. Нет, конечно, я не собирался к ней привязываться, но чувствовать так рядом другого человека... Неприятно. Чем ближе к вечеру, тем неприятнее становилось. Я не выдержал и пошел к ней, вот только не дошел...

Девушка возилась на моей кухне и что-то напевала под нос. Моей! Кухне! Месте, куда я никогда и никого не допускал. Особенно после того, как сам же принял яд. После этого около года вообще есть не хотелось, а на любую пищу желудок реагировал как на отраву. Боль ушла, а привычка осталась. Вот только с тех пор я сам готовил, что хотел и как хотел. Да, не сказать, чтобы прекрасно, но перекусить сгодится. И еще доверял повару «Черной звезды» — у нее за все годы моей учебы и работы еще ни один студент не отравился, и она прекрасно знала мой рацион. Естественно, в столовой я не появлялся, и для меня делали исключение, позволяя питаться в своей комнате.

Стоит ли упоминать, что я слетел на кухню, перемахивая сразу через две ступеньки, и распахнул дверь.

— Я просил тебя не выходить из комнаты! — рывкнул раньше, чем Надин, кажется, вообще успела меня заметить.

— Ой! — Она выронила из рук ложку, которой помещивала что-то в кастрюльке. — Вы напугали меня, Андре. Про-

стите, я хотела спросить разрешения, но вы запретили подниматься наверх, а я так проголодалась. Присоединитесь? Обед готов.

И лучезарно улыбнулась, а я втянул носом воздух. Да, запах был приятный, но сейчас я боролся с желанием вылить содержимое кастрюльки кое-кому на голову. Во-первых, я сегодня останусь голодным. Во-вторых, завтра опять идти за продуктами, потому что, судя по ингредиентам, добрая девушка приготовила все, что нашла. То есть вообще все.

— Простите, я не ем то, что не сам готовил, — ответил ей, стараясь держать себя в руках. Ничего, можно прямо сейчас еще раз прогуляться до лавчонки. А Надин, раз уж так голодна, будет питаться своим кулинарным шедевром.

— Вы еще и готовите? — изумилась она. — Но вы же магистр!

— Я — человек! — рыкнул на нее. — А люди должны есть, иначе умрут. Разве нет?

— Но я подумала, может... Андре, вы не отказывайтесь так сразу, — захлопотала она вокруг меня. — Суп ведь никому не повредит. Он вкусный, с курочкой.

«С дурочкой!» — едва не ответил я, но она и правда хотела как лучше.

— Не буду, — процедил сквозь зубы.

— Тогда попробуйте котлетку? — указала на большую сковороду.

— Да вы издеваетесь? — выпалил в лицо.

— Подождите. — Надин картинно всплеснула руками. — Неужели опасаетесь, что могу вас отравить? Еще бы, такой высокий пост... Хотите, я сама попробую вашу еду? Убедитесь, что в ней нет ничего подозрительного.

Представил, как Надин ест что-то из моей тарелки — и понял, что сегодня за продуктами не пойду, потому что голод мигом прошел и, думаю, до самого утра.

— Попью воды, — потеснил Надин и наполнил чашку. — Надеюсь, чайник вы не трогали?

— Нет, — с честными глазами ответила она, а я почему-то ей не поверил. Но воду выпил, проверив на яды и заклинания. А затем так же быстро пошел к двери.

— Андре, пожалуйста! — взмолилась Надин. — Я же так старалась.

— Вам не далее как сегодня утром было страшно дурно. Если теперь вам хорошо, убирайтесь вон! — напутствовал ее и вылетел из кухни.

Сорвался... Позорно и постыдно. Конечно, извиняться не стану, но не объяснять ведь девушке всю подоплеку такого отношения к еде. Да чтоб ей провалиться! Изо всех сил ударил ладонью по стене. Скорее бы пришел Фил. Присутствие брата обычно меня успокаивало. Может, он оценит по достоинству кулинарию Надин. Только после того, как я сам ее проверю.

Брат был легок на помине. Едва начало темнеть, на лестнице слышались его легкие шаги. Защита давно была рас-

считана на то, чтобы его пропускать. Эх, с этой девчонкой забыл настроить на него зеркало! В дверь постучали.

— Входи, — ответил я.

— Привет. — Чем-то довольный Филипп появился на пороге. — Как наша пациентка?

— Портит мне жизнь, — махнул я рукой. — Скорее бы уже выздоровела и оставила меня в покое.

— И что же такого жуткого сделала несчастная девушка? — поинтересовался брат.

Расскажу — засмеет. Но на самом деле для меня это — весома причина.

— Она испортила все продукты, которые я сегодня купил, — попытался подобрать слова.

— Что, понадкусывала? — рассмеялся Филипп.

— Тебе смешно, а мне не очень! Она их приготовила.

— Невкусно?

— Я не знаю, не ел.

— И почему? — искренне удивился брат. — Боишься, что она туда что-то подсыплет? Или приворожит еще, чего доброго!

— Не смешно. — Настроение снова начало портиться. — Видишь ли, я не ем пищу, приготовленную посторонними людьми. А Надин для меня — посторонняя.

— Что, ни разу в жизни не ел? — удивился Фил.

— Почему же ни разу? Конечно, случалось, но тогда ситуации были безвыходные. А сейчас я ей не доверяю! И хватит

об этом. Пойди осмотри ее. Хотел бы я надеяться, что она обиделась и ушла, но, увы, мое желание не осуществилось.

— Смешной ты, — сказал Фил.

— Кто? Я? — И замер на месте.

— Ага. Я, конечно, понимаю, что ты так сторонишься людей не от хорошей жизни, Андре. Любой на твоём месте поступил бы так же. Но в данном случае это переходит границы. В конце концов, девушке нужна твоя помощь. Хотя бы выслушай ее, раз уж из всех магистров она выбрала тебя. Это ведь твоя работа — равновесие и справедливость.

— А ты горазд зубы заговаривать, — вздохнул я. — Хорошо, я попытаюсь узнать, что с ней не так. Но говорю тебе, она пришла не случайно.

— И что же она приготовила? — поинтересовался Фил.

— Суп и котлеты, — поморщился я.

— Надо же, редкий талант. Она не похожа на девушку из обычной семьи, а готовит. Ценил бы.

— Да ну тебя! — шикнул на брата, но, как и всегда во время общения с ним, стало легче. Фил пересказал мне приключения белого волчонка после того, как Вилли покинул башню.

— Так и знал, что папа волк перегнет палку, — заметил я.

— Этьен слеп в своей любви к сыну, — вздохнул Фил. — И не видит главного — Вильям вырос. Ему нужно общение, новые впечатления, знания, а Этьен жаждет его запереть и тем самым оградить от мира. Не выйдет.

— Согласен, — кивнул я.

— А еще Дареаль рассказал Анри про мои визиты сюда, — добавил Филипп, словно сомневаясь, а стоит ли. — И, кстати, Анри просил тебе передать, что тебя ждут в магистрате.

— Я же сказал, что не приду! — Захотелось спустить глупых магистров с лестницы, чтобы в следующий раз слушали, что им говорят.

— В том-то и дело, Андре. Свет и тьма никогда не смогут договориться, — заметил Фил. — И Пустота должна помочь найти правильное решение, золотую середину. Ты ведь магистр, у тебя есть эта сила — чувствовать истину, вершить справедливость. Анри тебе не враг. Он даже не возмущался, что мы с тобой видимся, и отцу не сказал. Роб — тем более.

— Я — не циркач, Филипп! — напомнил брату. — И не собираюсь становиться посмешищем для всего магистрата. Что бы ни говорил Анри Вейран, он меня по-прежнему ненавидит, и я отношусь к нему не лучше. Так что пусть магистрат живет без меня.

— Андре, ты хотя бы подумай! — уговаривал Филипп.

— Я подумаю, — пообещал ему. — Но мой ответ останется неизменным — нет. А теперь давай проверим, как там Надин. Что-то она притихла, и меня начинают терзать подозрения.

— А может, не надо было ее обижать?

И мы с Филом спустились в комнаты Надин. Она лежала

на диване с мокрым полотенцем на лбу. Это чтобы мне было стыдно, что ли?

— Добрый вечер, — доброжелательно сказал Фил.

— Ой! — Надин распахнула глаза. Наверняка, накануне она не видела брата, потому что была без сознания. Или видела?

— Мое имя — Филипп Вейран, — представился тот. — Позвольте проверить состояние вашего здоровья?

— А вы точно целитель? — с сомнением покосилась на него Надин.

— Точно! — вместо Фила ответил я. — И проверяй тщательнее, братишка. Вдруг осталось что-то от проклятия?

Или, лучше сказать, не осталось, чтобы я избавился от назойливой девицы.

— Хорошо.

Фил замер перед Надин, сосредоточился. Я не стал мешать. Он действительно лучше понимает, все ли с ней в порядке. Филипп долго вглядывался в ауру девушки, а затем удовлетворенно кивнул.

— Отлично. Остаточного следа нет, проклятие прошло без угрозы для жизни. Завтра сможете вернуться домой.

— Что? — побледнела Надин. — Нет, вы, наверное, невнимательно посмотрели. Мне нельзя домой!

И едва не рухнула на диванчик, но Фил остался непреклонен:

— Вашему здоровью ничего не угрожает. А почему вам

нельзя домой? Поссорились с близкими?

— Ну... да, — растерянно ответила она. — Почти. Не важно.

— Что ж, тогда выздоравливайте. Андре, проводишь меня?

— Само собой, — кивнул я, и мы покинули Надин.

Снаружи было прохладно. Фил кутался в плащ с неизменной восьмиконечной звездой, а я свой забыл, и теперь зябко пытался согреть окоченевшие пальцы.

— Оделся бы, — заметил брат.

— Не стану возвращаться. Ночью закончу настройку зеркала...

— Но теперь ведь Анри знает, куда я хожу, и не возражает. А ты будешь тратить силы.

— Ничего, мне самому интересно, — ответил брату. — Не о чем беспокоиться. Придешь вечером, проверим.

— Завтра не выйдет. — Фил будто вспомнил о чем-то. — У меня вечером зачет. А вот послезавтра приду, хорошо?

— Конечно.

Значит, выпроваживать девицу мне самому. Хотя Филипп и не стал бы помогать, он у нас парень вежливый. А мне придется постараться, потому что у Надин на лбу написано: по какой-то причине она хочет остаться. В то, что она рассказывала, я почему-то не поверил. Интуиция, чуйка — можно называть как угодно. Наверное, это и было одной из главных причин, почему хотел от нее избавиться. В любом слу-

чае завтра все решится.

— До встречи, — Фил остановился на привычном месте. — И не обижай девушку, может, это — твоя судьба?

И подмигнул, а я едва не запустил в него каким-нибудь чесоточным заклинанием.

— Да шучу я! — Филипп примиряюще поднял руки. — Ты совсем не улыбаешься, решил развеселить.

— Не до того, — отмахнулся я.

— А когда будет до того, братишка? Жизнь одна, хватит хмуриться.

Знал бы он больше о моей жизни, так бы не говорил. Но я не собирался рассказывать. Вместо этого махнул Филу рукой и пошел прочь. Не хмуриться, да? Чудо, что после пяти лет в пустоте я все еще в здравом уме. А он требует веселья. Хотя общество Пустоты никогда меня не тяготило. Наоборот. Правда, возвращаться туда перехотелось. Пока что перехотелось. Кто знает, как повернется жизнь? Она любит подставить подножку, когда меньше всего ожидаешь. Увы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.